

A painting of a young girl with long dark hair, wearing a white dress, sitting and playing a long wooden flute. She is barefoot. A small drum is on the floor next to her. The background is dark and moody.

ЗАКЛИНАТЕЛЬ ОС

АЛЕКСАНДР
СПАХОВ

16+

Александр Спахов

Заклинатель Ос

«ЛитРес: Самиздат»

2007

Спахов А. В.

Заклинатель Ос / А. В. Спахов — «ЛитРес: Самиздат», 2007

В 2007 году роман А.Спахова "Заклинатель ос" занял первое место на литературном Конкурсе "Лучший детектив на русском языке", организованным издательством АКПРЕСС и Союзом писателей России. Что важнее — уберечь Родину от развала или спасти собственный роман с самой загадочной на свете женщиной? Выбор не из простых. Даже для хорошо подготовленного разведчика, способного справиться с множеством задач одновременно.

© Спахов А. В., 2007

© ЛитРес: Самиздат, 2007

Содержание

Часть I. Париж – это всё, что ты хочешь!	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	24
Глава 7	26
Глава 8	30
Глава 9	33
Глава 10	36
Глава 11	38
Глава 12	40
Глава 13	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Александр Спахов

Заклинатель Ос

Часть I. Париж – это всё, что ты хочешь!

Глава 1

Сегодня четверг, а значит, придётся уходить от хвоста. Несolidное, даже бесчестное по отношению к коллегам мероприятие. Но ничего не поделаешь – придётся.

По четвергам за Николаем ходят Антуан Предето и Жан Мари Коши.

Антуан человек в годах, давно не мальчик. Он всегда вызывал у Николая почтение. Предето мучает подагра, и в любой обуви он ступает так, словно боится испачкаться. Суставы его наказаны за привередливость в питании, которой славились несколько поколений дижонских предков.

Жан Мари заметно моложе и выглядит вполне здоровым. Но известно, что, расшифрованный в Индокитае, он вынужден был вернуться, потерять в карьере темп и застрять в помощниках. Теперь никак не может наверстать упущенное.

Эти двое были коллегами Николая, сотрудниками местной контрразведки, такими же, как и он, рыцарями плаща и кинжала. Правда, из враждебного лагеря. Но, несмотря на это, доставлять им лишние хлопоты и портить отчёты Николай считал делом постыдным, вроде карточного жульничества при игре в преферанс по полкопейки с дальними родственниками из провинции.

Нехорошо, конечно, но уходить от слежки сегодня придётся.

Николай (агентурное имя Николаша) был разведчиком. Последним советским разведчиком или, если угодно, первым российским. Его направили, как принято говорить в профессиональной среде, «в поле» именно двадцатого августа тысяча девятьсот девяносто первого года.

Когда в Москве на площадях пела и плясала разнузданная демократия, а Железный Феликс в испачканном суриком долгополом пальто под улюлюканье толпы переезжал с именной Держинки на Крымский Вал. Когда уклончивые эстонцы категорически отказывались составлять единую общность с далёкими от цивилизации таджиками. Когда рецепты шоковой терапии только вырисовывались в вихрастых головах экономических разбойников. Именно в то время Николай Андреевич Перегудов уходил за кордон на первое своё задание.

По заданию Родины Коля Перегудов должен был учиться. Но не подрывному делу, не тайнописи, не стрельбе отравленными пулями, не этому. Он должен был набираться знаний в самых лучших учебных заведениях Франции. Франция любит поучать, особенно если ей за это платят деньги. Поэтому проще всего получить вид на жительство в Париже студенту. Коля вычел из своего возраста четыре года пребывания в Школе Комитета государственной безопасности, благо он всегда выглядел молодо, и подал документы в Сорбоннский университет на экономический факультет. Сдал экзамены. Его зачислили. И стал Николаша приобретать у французских профессоров эти самые знания.

Именно своей незаурядной способности впитывать информацию обязан Николаша приходом в профессию. Он запоминал всё. Даты и размеры, имена и клички, частности и подробности, специфические сведения и научные теории. Он свободно говорил на четырёх европейских языках и, если потребовалось, освоил бы ещё несколько. Ему не составляло труда описать свою жизнь по дням и процитировать близко к тексту труды Бенедикта Спинозы. Он держал в голове слова песен Джона Леннона и состав армии США. Знал расстояние до Сатурна и длину

клинки самурая. Короче, экзамены он мог сдавать по любому предмету. И он учился, учился и учился. Не бесплатно, конечно, а за деньги. Сперва отдавал четыре с половиной тысячи франков, потом тысячу евро в семестр. Из своего кармана. И за квартирку нужно было платить самому, и за еду, разумеется, тоже. И за транспорт, и за одежду, и за сигареты, и за всё остальное. Бесплатно разрешалось вдыхать неповторимый парижский воздух с примесями автомобильных выхлопов и другого вздора.

По легенде, которой его снабдили в Центре, Перегудов являлся бедным студентом без внешних источников финансирования. Он должен пробиваться в жизни сам. Завести нужные знакомства и связи, научиться зарабатывать деньги, и обязательно небольшие по здешним меркам. Жить должен скромно.

Смотри, агент Николаша, говорили ему инструктора в спецшколе, не выходи из легенды. Ты будешь учиться, станешь общаться со студентами. Присматривайся, с кем дружить перспективно, а с кем нет. На последних время не трать. Когда закончишь курс, сохраняй отношения с первыми. Твои друзья по университету пойдут работать в разные фирмы, служить в государственные учреждения, займутся крупным бизнесом. Многие вступят в брак с другими представителями своего круга, пригласят тебя на свадьбы. Ты сходи. Таким образом, сфера знакомств расширится. Потом ты поступишь на юридический факультет, и твоими однокашниками станут те, кто через десять лет окажутся во властных структурах и на ответственных должностях в законодательных органах. Многие из них пробьются в международные организации. С такими дружи особенно. Выпивай на вечеринках и пикниках, спорь на семинарах, кури травку в Латинском квартале. Короче, будь своим.

– А на что мне жить? – спрашивал лейтенант Перегудов.

Придумаешь что-нибудь на месте, отвечали ему руководящие товарищи. Только учти – никакого криминала. Никаких грабежей по подворотням, азартных игр в притонах, сильных наркотиков и тому подобного. Твои, даже самые тесные и нежные, контакты в марсельской тюрьме с алжирцами-нелегалами для нашей Родины не представляют никакого практического интереса.

Получив два высших – самых престижных – образования, ты отправишься туда, где повышают квалификацию менеджеры высшего звена с предприятий авиационного и космического комплексов и капитаны других высокотехнологичных отраслей, к примеру телекоммуникационной. Так что ты не должен ударить в грязь лицом. Готовиться в точных науках, философии, политологии, в науке управления... начинай уже сейчас.

Когда Коля окончил экономический факультет Сорбонны и поступил на юридический в Нантере, Родина внесла коррективы в его личную жизнь. В Центре посчитали, что неплохо бы Николаше оказаться геронтофилом. Не прожжённым извращенцем и маньяком, который проходу старухам не дает, а тихим, так сказать, безобидным, мелким, пугливым геронтофильчиком. Это будет объяснять его желание познакомиться с пожилой супругой влиятельного политического деятеля или крупного бюрократа, представляющего интерес для Родины. Коля поначалу запротестовал, но Родина сурово нахмурила брови. И теперь он, не реже одного раза в месяц, вынужден на последние деньги таскать божьих одуванчиков и старых перечниц в кафешки и рестораны, да не просто так, а на виду у всех своих друзей и знакомых обоих полов. Мужики откровенно ржали, а женщины смотрели на него с подозрением и старались, опасаясь подвоха, на первом свидании не давать. Нет-нет, со старушками до постельных мерзостей дело не доходило (хотя, насытившись оплаченным обедом с вином, некоторые были не прочь). Этого Коля не допускал, да и Родина на полной достоверности почему-то не настаивала. Жалела, наверное, ведь хлопот у Николаши и так прибавилось. С каждой – а иные глуховаты – старушкой договорись, назначь встречу, потом пять раз позвони-уточни, ведь у многих склероз и провалы в памяти, доведи под ручку до людного места, накорми диетическим питанием и приведи под ручку назад... Морока! Зато сейчас, прослушав курс «управление персоналом сред-

него звена», он эти проблемы решил просто. Договорился с отставной телеграфисткой мадам Сюзанной, что даёт ей ежемесячные благотворительные обеды, а она, если занеможет, должна самостоятельно обеспечить подмену. Болела мадам Сюзанна часто. Знакомых телеграфисток у неё оказалось масса. Жаждали благотворительности все до одной. Народ повалил валом, норовили приходить даже парами. Но Николаша выставил жёсткие условия: старухи должны являться в одиночку, быть опрятными и непрожорливыми. Так Перегудов прослыл старушным ветреником и спецом по замшелым вертихвосткам. Чего не сделаешь ради любимой Родины? Правда, и учиться он не забывал.

Так прошло почти десять лет. Коля добился немало. Он стал со многими знаком. Общался с образованными людьми. Писал статьи в толстые научные журналы. Выступал на семинарах. И даже считался экспертом в области экономики некоторых никак не желающих развиваться стран.

Стабильных заработков Николаша не имел. Но за посреднические и консультационные услуги в рискованном деле инвестирования на просторы отечества иногда перепадало. Так что одет он был прилично и имел подержанный автомобиль «Рено». Пару вечеров в неделю, чтобы не растерять навыков кулачного боя, он служил вышибалой в полуподпольном заведении, которое включало в себя реер show, бар и магазинчик неприличных товаров, на улице Сен-Дени. Платили четыреста франков за выход. Пара тысяч в месяц ему перепадала за работу шофёром со знанием русского языка в туристическом агентстве у площади Этуаль. Немного денег приносила игра на бильярде. Иногда платили за статейки. Правда, совсем крохи. Родина начисляла и переводила на счёт зарплату в рублях.

Уже несколько Колиных знакомых стали заметными людьми во французской экономике. Кое-кто даже оказался носителем национальных секретов. Одна дама представила Николашу своему супругу – заместителю министра.

Поскольку Перегудов считался иностранцем, он всё-таки попал в сферу любопытства спецслужб, хотя и не вызывал серьёзных подозрений. Чисто профилактически, на всякий случай, за ним иногда устанавливали слежку, пускали хвост, чтобы понять, чем этот парень дышит. Раза два-три в месяц, не чаще. Всегда только по четвергам, уж такой был на Колю установлен график. И как правило, на охоту выходили Антуан Предето и Жан Мари Коши. Николаша давно с помощью Центра всё про них выяснил. Досье составлено, фотографии подклеены, перспективы разработки агентов оценены. Вербовать их, если потребуется, будут другие. Только едва ли так случится – рядовые топтуны. Жан Мари ещё куда ни шло, он молод – его могут перевести в перспективное место. А вот Антуан вряд ли на что-то сгодится, у него впереди только пенсия. Но уходить от хвоста – значит вызывать подозрения. Раз уйдёшь, второй, и кто-нибудь из тех, кто читает отчёты, призадумается. Да и самим топтунам надоест бегать, они возьмут да и проломают тебе башку, чтобы не портил показателей. С лежачим клиентом всегда спокойнее иметь дело.

Уходить от хвоста придётся, тут нет никаких сомнений. Но как уходить? Каким путём? Ясно только, каким путём уходить Николаша не будет. Никаких проходных дворов, поднятого воротника плаща и шляпы, надвинутой на глаза.

Никаких прыжков в проходящий мимо полупустой ночной трамвай и марш-бросков через железнодорожный переезд перед носом несущегося в Брюссель скоростного поезда. Действовать нужно так, чтобы ни Антуану, ни Жану Мари даже в голову не пришло, что он, вечный студент Николя, ушёл от слежки, из-под их контроля. Но как это сделать?

Избавляться от хвоста придётся так, чтобы никто и не подумал, что Перегудов ушёл. Ни-ни! Ни в коем случае. Боже упаси!

Сегодня Николашин день в заведении на улице Сен-Дени. Работать принято допоздна, до тех пор, пока не проводят последнего посетителя. Многие гости уйдут сами, другим придётся

намекнуть словами, а третьим помочь крепкими, тренированными руками. Такая уж у него была должность – вышибала.

Поскольку Коля всего лишь студент с видом на жительство без права работать по найму и иметь социальные гарантии, то ему не дозволено пять раз в неделю приходить в кондиционированный офис в Дефансе и составлять там высокооплачиваемые бизнес-планы для автомобильных корпораций. Государство против, чтобы Коля руководил процессом производства цемента марки 600 в Лионе. Сорок часов в неделю учить детей геометрии ему тоже нельзя. Он не мог служить в пожарной команде и регулировать уличное движение, распределять заказы на строительство дорог и мостов, кроить бюджеты и обвинять в суде. Ему было позволено только одно: заламывать руки и давать Франции по морде, если она перепьёт и решит вести себя непристойно по отношению к приезжим «девочкам хоть куда». Только это и разрешалось студенту Сорбонны.

Итак, Николаша приступил к своим вышибальным обязанностям в заведении на улице Сен-Дени, 46 в двадцать два часа пятнадцать минут, сменив крепкого негра, откликавшегося на имя Мишель.

Притон бушевал. Ребята прибывали. Подгулявшие папаши, прыщавые первокурсники, переодетые по случаю увольнительной солдаты, разведённые служащие, водители дальнотойных грузовиков и небогатые торговцы толпились у стойки, ожидая внимания бармена. На подиуме, украшенная впивающимися в задницу золотистыми трусами и криво приклеенной улыбкой, как заводная ручка двигателя внутреннего сгорания, крутилась рыхлая мулатка. Посетители поглядывали на неё, как на закуску к аперитиву, и пили. В основном пиво или вино, иногда водку и виски, ещё текилу, бренди, ром, джин. У некоторых блестели глаза и играл румянец, а в движениях проступила вальяжность, плавность, размах и отвага. Так кутили готовились к броску на женщин.

Филерам, которые следят за Колей, не позволено делать подобных капиталовложений. Они имеют право только поглядывать на бушующие вокруг низменные страсти, да и то не всегда, а лишь в те моменты, когда для конспирации отведут взгляд от объекта. Находиться они будут отдельно: один на улице, а другой внутри заведения, меняясь время от времени местами. Через полчаса им станет ясно, что одной из обязанностей Николаши является подробное консультирование посетителей о предоставляемых услугах. Топтуны увидят, что по долгу службы ему часто приходится покидать торговое помещение, чтобы проводить того или иного «возбужденца» в кладовые, где припрятаны основные удовольствия. Иногда он исчезал надолго, на четверть часа, если клиент попадался с норовом или не знал, чего хотел. Бывало, гость робел, зажимался, и ему требовалась мужская поддержка или добрый дельный совет, что тоже входило в Колины обязанности.

Так что Перегудов всегда находился в гуще событий. Его постоянно теребили, мучили вопросами и претензиями. А когда, наконец, освободится Лулу? Сколько ещё будет подмываться Жульетт? В какие деньги встанут жаркие ласки Мари? А если я по-быстрому, то положена скидка? Народ требовал самого глубокого удовлетворения своих низменных потребностей и настаивал на качественном проявлении высоких чувств, но чаще просто скандалил и капризничал.

Николаша вникал. Приходил на помощь. Оказывал внимание. Чаевые не брал, не левачил. К руководству был лоялен, в конфликты не вступал. Он держался за эту должность. В заведение, не вызывая ни у кого подозрений, могли явиться любые мужчины. Здесь Николаша мог, не сходя с места, уйти от хвоста. Сюда к нему на встречу выходили связные, разведчики-нелегалы, резиденты, радисты из Центра и другие товарищи по оружию. Место было чистое, непритязательное и не вызывающее ненужных подозрений. Пришёл мужчина, потолкался по залу, выпил кружку светлого, полюбовался на девушек из шоу, перекинулся парой слов с вышибалой, заглянул в спальню, вступил в случайную связь и был таков: ищи-свищи.

Сегодня и Николаю предстояло осуществить случайную связь – связь с Родиной. В полночь к нему должен явиться связной.

Глава 2

Связной опоздал на четверть часа. Ровно в пятнадцать минут первого дверь в подконтрольное Николаше заведение отворилась и отчизна предстала в облике подгулявшего, отбившегося от своих, окрашенного в клубные цвета английского футбольного болельщика. Накануне состоялся матч между британским клубом «Манчестер Юнайтед» и местным «Пари Сен-Жермен», и сейчас по улицам столицы бродило несколько тысяч таких парней. Все они были пьяны, краснолицы, задиристы, громогласны и покрыты татуировками, то есть ничем не отличались друг от друга.

Своего Николаша узнал сразу, и не по традиционным русским щекам, занимающим большую часть физиономии, и не по широкой, как Волга, попе. Узнал по четырём характерным, выполненным стилизованным под детский почерк шрифтом буквам, составившим на фалангах пальцев правой руки слово ВОВА. Коле было хорошо известно назначение этой надписи. В дворовой драке она служила щегольски выполненной визитной карточкой бойца при точном попадании в лицо противника. Чтобы в момент, когда полетевшие из глаз искры осветят кулак, потерпевший мог прочесть, кто именно ему так славно врезал. Разумеется, татуировку сделали всего несколько часов назад, и к утру её уничтожит жидкость для снятия лака с ногтей. Но сейчас четыре выцветшие буквы послужат ориентиром при поиске среди бушующего людского моря одного-единственного, родного и близкого человека – посланца Родины

– Вас устраивают блондинки? – обратился Коля с первой фразой пароля.

– Частично. – Хрипловатый, словно пропитой голос дал правильный отзыв.

– У нас найдутся и частичные блондинки.

– Не всегда часть хуже целого. Вот ритуал идентификации и состоялся. Связь с Родиной установлена.

Изредка отчизна давала о себе знать не по электронной почте, не с помощью закладки контейнера, объявления в вечерней газете или надписи губной помадой на фонарном столбе. Иногда Родина решала воочию взглянуть своему сыну в лицо. Заботливо оценить, не похудел ли? Подрос? Или осунулся? Не запил ли, не пристрастился ли к другим пагубным привычкам? И, прости господи, не разбогател ли?

– Здравствуй, товарищ, – негромко произнёс Николай по-русски.

– Ну, как ты тут, на чужбине? – Связной забрал со стойки пиво и широко оглянулся, словно выбирая себе лучшую девушку.

– Трудно, – почти без лукавства отвечал Коля. – Я устал. Устал от роли бедного. Устал отворачиваться от денег, избегать успеха и уклоняться от признания. Мне надоело считать гроши и делить каждый кусок сыра на три части.

– Все, кто на долгой легенде, так живут. – Связной удачно имитировал пьяную речь. – И я так жил. Но ты не унывай, Родина о тебе не забыла.

– Не забыла?! Да что ты такое говоришь? – Коля эмоционально развёл руками, демонстрируя шпикам из контрразведки, как вдохновенно он работает с клиентом. – Я доброго слова от Центра за пять лет не услышал ни разу, Вова.

– Агент Николаша. – Лицо связного окаменело, но ноги продолжали выписывать пьяные па. – Слушай приказ командования. За проявленную выдержку, за мужество, за качественно и в срок проделанную работу от имени командования объявляю вам благодарность и поздравляю вас с присвоением очередного воинского звания – капитан.

– Служу необъятной Родине, – не без удовольствия ответил Коля, уже порядком подзабывший устав.

– Это первое, – продолжал связной. – Второе. Вас, капитан Перегудов, Центр уведомляет о постановке в очередь на однокомнатную квартиру. Сдача ведомственного дома в рай-

оне Южное Бутово запланирована на четвёртый квартал будущего года. Родина верит в вас, капитан.

– Рад стараться, – хрипловатым взволнованным шёпотом отозвался Коля, встав по стойке «смирно» только одними глазами. Тело его в это время продолжало лавировать среди волн посетителей сомнительного заведения на улице Сен-Дени.

– И это ещё не всё, Николай, – по-отечески заглядывая в лицо, продолжил связной. – На ваше имя в Сбербанке России открыт счёт, куда в соответствии с новыми утверждёнными правилами перечисляются оклад, суточные, подъёмные и командировочные денежные средства по норме для сотрудников, работающих в поле второй категории. Заметные деньги. Одни только суточные составляют двести пятьдесят восемь рублей в день без банковского процента.

– Минуточку, а что значит «поле второй категории»?

– Это означает – мирное время и неагрессивный политический режим страны пребывания. Первую категорию – четыреста семнадцать рублей – дают за работу в условиях боевых действий против превосходящих сил противника, во время религиозных конфликтов, массового кровопролития и, наконец, при нелегальном проникновении в племена с ярко выраженной традицией канныализма. Но я считаю, что двести пятьдесят восемь рублей – это тоже неплохо, тем более что банк на них начисляет ещё и шесть с половиной процентов годовых. Можно ведь за такие деньжищи служить? Правильно, Коля?

– А чем мне здесь за квартиру платить? Четыреста пятьдесят евро в месяц. На какие шиши заливать машину бензином, когда я еду триста километров по заданию Родины к моему приятелю Анри Канта в его замок под городом Лиль в провинции Па-де-Кале? Общественный транспорт в замки не ходит. Чем прикажете угощать мадам Мориак, вдову генерала, одного из идеологов стратегии безопасности Франции? На двести пятьдесят восемь рублей не шибко-то разгуляешься. Тем более что и до этих денег отсюда не доберёшься.

Николаша закипал.

– Потихе, потихе, капитан, – принялся оглядываться по сторонам связной. – Всегда вы так, командированные. Едешь к вам, спешишь, рискуешь здоровьем по поездкам да самолётам. Везде сквозняки, перепады температур... Питаешься сухомяткой, спишь сидя. Несёшь вам добрые вести, а вы... – голос связного задрожал, – вместо благодарности и почтения – желчь и раздражение. Как работать? Скажите на милость!

– Как? Финансирование нужно обеспечить. Бюджетное поквартальное финансирование. Или если не можете, то поощряйте инициативу снизу. Дайте мне волю, разрешите поменять легенду. Хватит с меня нищего студенчества. Хочу быть молодым процветающим бизнесменом. Здесь купил, там продал. Инвестиции, консультации, дивиденды, акции, индекс Джонса... Да я бы горы свернул! Родной Конторе ещё бы денег заработал.

– Ворочать миллионами есть кому и без тебя. К закомам Родины не протолкнёшься. Бюджет дербанят, только треск стоит. Сейчас в отчизне богачей явный перебор. Всему миру глаза золотыми цепями и виллами на ривьерах колем. У нас дефицит трудолюбивых и незаметных кротов, тихо и бескорыстно делающих то дело, которое им Родина поручила. Понял?

– Понял. – Коля потупился, отстраняясь от связного. Тот не отступал. Вокруг гудел кабак. Топтуны со скуки тоже приняли по рюмочке и с сочувствием поглядывали на Николая заблестевшими глазками. Все знают, как надоедливы бывают пьяные со своими разговорами.

– Ладно, не обижайся, – прошептал человек из Центра. – Помогу я тебе, Николаша. – Связной развязным движением попробовал закинуть руку на плечо собеседнику. – Есть у меня шабашка, для себя берёг. Пятьсот евро в сутки. Работы на две недели, оплата после поступления отчёта. Я сейчас отправлюсь дальше по маршруту, вас, гавриков, проводывать: Лион, Мадрид, Касабланка, Богота, Лима... Работы много. Хотел было тут у тебя задержаться, подкалывать, но уж больно ты парень хороший, не могу тебе не помочь. Ты вместо меня всё сде-

лаешь, ты и деньги получишь. А потом, на обратном пути, мне двадцать пять процентов от вырученной суммы отстегнёшь. Ладно?

– Ладно, ладно, – закивал Коля. – Я работы не боюсь, Центр знает.

– Ну и хорошо. – Связной икнул. – Пятьсот евро – это чистыми. Понесённые по ходу выполнения работы расходы компенсируются дополнительно. Вот тебе адрес электронной почты и пароль к нему. – Связной ВОВА, как бы теряя равновесие, опёрся Коле на грудь и опустил в карман рубашки сделанный из жевательной резинки контейнер. – Подробные отчёты по другому адресу посылай. Туда же сообщи и номер своего банковского счёта. У тебя наверняка что-то такое давно подготовлено?

Коля согласно кивнул, делая вид, что отстраняется от настырного, перепившего посетителя, который к тому же собирается блевануть на вышибалу.

– Только действуй не со своего компьютера, дружок. Откуда-нибудь с нейтральной территории. Из интернет-кафе, что ли. Не мне тебя учить, я сам не знаю толком, откуда эта шабашка всплыла. Надо быть осторожным.

– Понял, Вова. Тебя когда ждать-то?

– Я сам тебя здесь месяца через два найду. Ты ведь по четвергам?

– Да. А теперь нам пора. Передавай привет нашим и извини, если сделаю больно.

– Ах ты, сука, я тебе покажу больно! – вскричал по-английски с пьяным лондонским акцентом связной. И пришлось Николаю приступить к своим прямым служебным обязанностям.

Коля схватил обмякшего связного одной рукой за грудки, а второй за ремень джинсов и, почти отрывая его от пола, потащил к выходу. Не должен настоящий вышибала терпеть пьяные речи от не желающих делать коммерческие предложения девушкам посетителей. В зале прекратили сосать пиво и уважительно расступились, с интересом следя за Николаем. Дверь услужливо открыл контрразведчик Антуан, и связной ВОВА, пытаясь не группироваться, полетел на заплёванный, мокрый от недавнего дождя асфальт улицы Сен-Дени. Николаша шагнул за порог следом, наклонился, чтобы добавить хулигану под рёбра, и тихо сказал:

– Забыл спросить, а что за работа-то, Вова?

– По специальности, Коля. Попасёшь объект, составишь отчёт, и всё. Бывай, – морщась, ответил связной.

В зал Николаша вернулся под аплодисменты. Пьяных английских болельщиков в Париже никогда не любили.

В завтрашнем донесении в Центр связной ВОВА отметит, что агент Николаша найден в неплохом состоянии. Будет упомянуто, что он активен, целеустремлён, сохранил правильные инстинкты и находится в хорошей физической форме. В конце текста ВОВА вставит, что контакт был произведён в запланированном месте и продолжительность его составила семь минут сорок четыре секунды, что полностью соответствовало действительности.

О левой работе он не скажет ни слова.

Глава 3

«Это будет легко и приятно», – думал Николай, разглядывая объект наблюдения сквозь боковое окно автомобиля.

Объект ему нравился. Со всех сторон нравился. Если конкретизировать, то в первую очередь конечно же объект нравился своим поведением. Он никуда не спешил, шёл себе по Елисейским Полям, заходя в магазины с большими чистыми витринами. Он не проверялся на предмет слежки и хвоста, заставляя Николая прятаться за фонарные столбы и прикидываться, что читает вчерашнюю газету. Он никуда не звонил, ни с кем не заводил разговоров, короче, не вступал в контакт. Два раза объект в одиночестве пил кофе со сливками и один раз минеральную воду в открытых кафе с плетёными креслами. Прелесть, а не объект.

Но не только примерное поведение нравилось Коле. Гораздо больше его радовало другое – плавный, изящный, приглушённых тонов и мягких очертаний вид объекта. Ну очень приятная оказалась у него внешность! В ней гармонировали габариты и пропорции, расцветки и драпировки, фактура и комплекция. Полностью удовлетворял Николашу и возраст объекта: до зрелости ещё далеко, но импульсивная юность уже за спиной. Но наивысшую оценку объект, несомненно, получал по графе «пол». Пол объекта был поистине великолепен и заслуживал всяческого одобрения. Пол объекта был то, что надо, а именно – «Ж». Настоящее, со всеми приметами и признаками, несомненное «Ж».

Николаша такой подработкой был исключительно доволен. Пятьсот евро в день! Плюс все расходы! А это полный бак бензина в свою машину, харчи в ресторане, где пообедал объект. Не будешь же сидеть и ничего не заказывать, когда он насыщается припущенным лососем с обжаренной в сухариках брюссельской капусткой. Все расходы – это ещё и шёлковый галстук в магазине, где объект выбирал себе шляпку с узкими полями, и, разумеется, кофе со сливками в многочисленных кафе по маршруту его неторопливого следования.

Сейчас, когда объект штудировал ценники в магазине фирмы «Зара» на углу проспекта Георга Пятого, Николай Перегудов мечтательно размышлял о том, как распорядиться неожиданно падающими ему в руки семью тысячами евро. И отметим, чистыми, без вычетов и налогов.

«Первым делом поменяю подружку. Теперешняя устарела. С Моник, аспиранткой кафедры экономики Средних веков, надо заканчивать. Хватит. Так отношения могут перерасти в привычку и потерять остроту. Кто там следующая по очереди? Франсуаза Лелюш? Точно, она. Завалюсь-ка я на недельку, – мечтал Коля, – с Франсуазой, прожигательницей жизни из хорошей семьи, в Марокко, в городишко Марракеш».

Он представил жаркую Франсуазу в комнате на втором этаже с окном на остывающую к ночи необъятную пустыню. Он слышал шорох поступи каравана из восьмидесяти пяти стыдливо отворачивающихся от этого окна верблюдов. Он чувствовал запах кускуса, приправленного двенадцатью пряностями, и вкус густого и тягучего, как мёд, местного вина... Две тысячи евро. «Поменять свой «Рено» на пятилетний «Пежо307» – две тысячи пятьсот евро.

Пиджак от «Бриони», рабочая одежда любого разведчика, восемьсот евро. Карманные расходы – одна тысяча семьсот евро. За такие деньги можно месяц-полтора ни в чём себе не отказывать. Ты, право, достоин этого, Николаша!» – смачно мечтал Перегудов.

Никогда Николаша, даже обращаясь к себе, не называл себя настоящим именем. Что там связной Родины говорил про комиссию? Подождёт, как сам Николаша ждёт от Родины суточных.

«Подфартило так подфартило! Не работа, а прогулка. Судя по всему, ревнивый муженёк выдал своей жёнушке денег на покупки и отправил в Париж. Отправил, а сам переживает, как бы она не свернула налево с нашим парижским братом. Бывает и такое. А что поделаешь:

се ля ви, как тут принято говорить. Я за ней присмотрю», – ликовал Николай, размышляя одновременно о том, какого цвета брать пиджачок от «Бриони».

Вчера, в пятницу, Николаша прочитал по указанному электронному адресу инструкцию и схему отношений с работодателем.

Ему было предписано:

1. С десяти утра субботы установить скрытое наблюдение за мадам Валерией Новиковой (сокращенно ВН) в холле гостиницы «Ритц» и не снимать его всё время, пока мадам не отправится ночевать. Срок наблюдения – четырнадцать дней.

2. Через день составлять и направлять подробный с получасовой точностью отчёт о действиях и перемещениях мадам ВН.

3. Оказывать содействие мадам ВН в случаях, когда возникает угроза её жизни, здоровью, экономическому благополучию, а также причинения нравственных, психических и физических страданий.

4. Составлять и отправлять по известному адресу перечень понесённых мадам ВН расходов и трат. О расходах, связанных с наблюдением, также сообщать – их компенсируют. Для расчётов следует указать банковские реквизиты, по которым будут перечисляться деньги, включая и ежедневный гонорар, равный пятистам евро. Перевод суммы осуществляется каждые три дня.

5. Допускается для наблюдения привлечение третьих лиц. Оплата их услуг должна производиться из указанных пятисот евро. Разовые услуги третьих лиц компенсируются.

«А муженёк – педант. Скрыгой его назвать нельзя, но и щедрость такая не всякому понравится», – подумал Николаша, ознакомившись с письмом.

Сейчас ВН, которую он мысленно стал называть Лерой, гуляла по магазинам. С Елисейских Полей повернула на авеню Монтень, зашла в Christian Dior и Louis Vuitton, потом на улице Фобур-Сент-Оноре к Yves Saint Laurent и Sonya Rykiel, затем побывала в Lancel на авеню Опера, повернула на Рю де ла Пе и завершила свой поход в наимоднейшем магазине Collette, где приобрела что-то наподобие пиджачка. Время подходило к трём часам. До отеля «Ритц» оставалось всего метров четыреста. Такси Лера брать не стала. Открывая дверь, швейцар окликнул бояносыльщика, который и принял из рук мадам пакеты с покупками. С ним она и поднялась в свой триста двадцатый номер.

Если Николаша хоть чуть понимает в женщинах, то сейчас мадам ВН будет долго-долго примерять и рассматривать обновки. Вертеться перед зеркалом и так и сяк. Потом примется названивать подружкам в Москву, чтобы поделиться сомнениями в том, не слишком ли мало она прикупила, а на самом деле – чтобы плеснуть в душу каждой по столовой ложке концентрированной зависти со жгучим привкусом соперничества.

Потом мадам опустится в ванную с горячей густой пеной и продолжит ранить своих приятельниц уже оттуда. Так пройдёт часов пять, не меньше. Когда на улице стемнеет, она выберется из воды. Тщательно обсохнув и наложив на себя все кремы, тени и запахи, спустится в гостиничный ресторан якобы на ужин, а на самом деле чтобы проверить, как действует на окружающих новая кофточка от «Гуччи». Так пройдёт остаток дня.

Коля, не привыкший терять время даром, развернул ежегодный отчет Национального центра космических исследований Франции (CNES), намереваясь проработать его за часы выпавшего ему пустого ожидания. Но не успел он пробежать и двадцати страниц из четырехсот имеющихся в отчёте, как объект по имени Лера снова появился в холле.

Николаша был неприятно поражен. Что это ещё за фокусы? А мерить? А подружки? А ванна, наконец?

Лера вышла на улицу.

На сей раз её путь лежал к набережным Сены. Лера прогуливалась. Смотрела на воду и баржи, на влюблённых и бездельников, на продавцов растений и их товар. Она приценивалась

к акварелям уличных художников и слушала музыку бродячих музыкантов, бросала монетки попрошайкам и кормила голубей. В модные магазины она больше не заходила. Она выпила в кафе чашку чая и посидела на скамейке напротив министерства юстиции. Она стала просто одинокой туристкой, такой, как тысячи других...

И опять Николаю было удобно следить за объектом. Удобно и приятно. Он тоже как будто превратился в туриста. Не стремительного, торопящегося парижанина, а праздного, беспечного, со слегка вскружённой головой, наивного туриста, крепко начитавшегося Дюма-отца.

Лера выглядела так привлекательно, что через час прогулки ею заинтересовались местные мошенники, промышляющие на набережной. Причем самые отпетые из них, специализация которых – дурочить приезжих простушек. Разумеется, мошенники были итальянцами.

Мошенничество выглядело следующим образом. Работали по двое. Сидя в машине, заговаривали с прохожей иностранкой, не говорящей на французском языке, часто русской. Суть обращения состояла в том, что они, милые итальянские парни, сильно поиздержались по пути из России и теперь им очень нужны деньги. Но они приличные люди, и поэтому ничего у вас не просят – у них как раз есть то, что очень нужно именно вам, мадам, и они готовы это продать. Тут мошенники, широко улыбаясь, начинали совать в руки женщине пакеты с какими-то вещами и приговаривать, что это самый новомодный товар от «Валентино». И когда туристка, желая от них отвязаться, лезла в бумажник с целью одарить милых итальянских ребят мелочью, те шумно протестовали и лезли вместе с нею в её кошелёк, чтобы показать, какими именно купюрами и в каком количестве их нужно благодарить. Как только волосатая лапа прикасалась к деньгам или к бумажнику, они срастались навсегда. Сидевший за рулём жал на газ, и жулики уезжали на край света, оставляя жертве яркий пакет с подозрительными мятыми тряпками и незабываемые, но грустные впечатления.

Такое Николай видел не раз. Даже если женщины обращались в полицию и коряво, размахивая тряпкой как неопровержимой уликой, пытались что-то объяснить в участке, то им доходчиво растолковывали, что они просто совершили неудачную покупку по договорной цене. Только и всего. Разве в Париж они приезжают не за этим? Ну, может быть, не только за этим...

Двое белозубых, смуглых и курчавых жителей Неаполя только начинали свою пляску вокруг озадаченной Леры, а Николаю всё уже было ясно. Сейчас итальянцы произнесут несколько слов по-русски. «Привет. Девушка. Деньги». Затем покажут страницу неизвестно чьего паспорта с отметкой шереметьевского пограничника. Далее протянут пакет, из которого выглядывает ткань модного в этом сезоне цвета. Объект достанет бумажник, из окна автомобиля протянется длинная лапа и... И прости-прощай денежная халтура. Деньги, кредитные карточки и дорожные чеки будут украдены. Клиентка заплачет раз, заплачет два и наутро уедет обратно в свою прохладную страну. Никаких семи тысяч евро Коля не получит, и придется ему забыть о новой одежде, машине и отпуске в Марокко.

Такого Николаше не хотелось. И терять ему было, кроме своего гонорара, нечего. Поэтому, когда между лапой и изящным, тонкой змеиной кожи женским кошельком завязалось активное срачивание, он со словами: «Мадам, вас хотят обворовать», – шагнул вперёд и хорошо натренированным движением стиснул хрупкую кисть изнеженного в безделье мошенника. Тот взвизгнул и принялся залиvisto угрожать какими-то весьма болезненными неприятностями. Коля сжал посильнее – и итальянец перешёл к уговорам и просьбам. Коля прибавил натиска, и жулик с драматизмом в голосе взмолился о пощаде. Николаша заслушался виртуоза и ослабил на мгновение хватку. Этого оказалось достаточно. Машина уехала. Кошелёк остался в руке объекта.

Лера приходила в себя.

– Мерси, месье! Мне говорили, чтобы я была повнимательней, но... всё так быстро! – Она перешла на английский.

– Вы могли бы остаться без денег, мадам.

– Наверное, я должна отблагодарить вас? – Голос Леры оказался под стать внешности – протяжным и плавным. – Как у нас говорят – «проставиться».

– Где это у вас? Вы из Польши, мадам? – Пусть Коля для неё будет французом.

– Нет, из России. Из Москвы.

– Так что же такое «проставиться»?

– Угостить выпивкой, месье. – Улыбка украсила лицо мадам Леры.

– Прекрасно. Рюмочка кальвадоса сейчас бы пришлась кстати. – Почему бы и нет, подумал Николай.

– А что такое кальвадос? Женщине его тоже можно? – Легкое кокетство было Лере к лицу.

– Можно, если ей уже исполнилось восемнадцать.

– Увы, восемнадцать ей исполнилось намного раньше, чем хотелось бы, месье. – Лерина улыбка из слегка лукавой превратилась в чуть грустную.

– Меня зовут Николая. Аспирант кафедры современного права. Вот мы и пришли. Кафе «Сара Бернар». Гарсон, два кальвадоса. А как зовут мадам?

– Валерия, – ответил объект.

Старый добрый кальвадос, хорошо выпавшийся в большой дубовой бочке, взялся за дело с азартом. Глаза Леры заблестели, а по щекам поплыл румянец. Яблочный аромат царпнул горло.

– Что бы вы делали, если б остались без денег? – спросил спаситель Николая.

– Придумала бы что-нибудь, – беспечно ответила Лера и опять улыбнулась.

И столько в этих словах, хоть и сказаны они были на неплохом английском языке, Николаша услышал русского, родного и близкого! Того, по чему давно скучал, чего не хватало ему, как иногда не хватает йода щитовидной железе. Он стосковался по простым человеческим отношениям, прямым и бесхитростным, теплым и бесплатным. Он устал думать на одном языке, а говорить на другом, устал принимать во внимание мелкие эмоции того или иного человека, мужчины или женщины, которых он, Николай, должен сохранить в кругу своих друзей. Ему захотелось русскую бабу, простую русскую бабу, душевную и незатейливую, как хочется иногда борща, картошки в мундире и рюмку водки. А сейчас как раз и сидела перед ним русская девушка, раскрасневшаяся и расслабившаяся после выпитого, хорошая и открытая. Такой никогда не придёт в голову, как американке Левински, сохранять на платье следы любви, с кем бы ни свела её судьба. Такая не будет скрывать желаний. Она близка и понятна русскому парню Николаю. И он всегда почувствует, чего ей надо.

– Вам понравился кальвадос, мадам?

– Очень.

– Гарсон, ещё кальвадосу!

Ему и самому захотелось стать для неё русским мужичком, ухарем и балагуром, лукавым и озорным, чтобы нашепывать на ушко незатейливые слова и не услышать в ответ ничего такого, что нужно запоминать и сверяться по франко-русскому академическому словарю: а что именно она имела в виду? Сейчас он всем сердцем чувствовал, что женщина, сидящая напротив, тоже его хочет, хотя она не намекала на это ни словом, ни жестом.

«Будь что будет, – подумал Николай, – откроюсь, а там посмотрим. Бог с ними, с этими пятьюстами евро в день, проживём как-нибудь».

Коля уже набирал полные лёгкие парижского воздуха, чтобы фирменным уральским говорком, к которому он привык с детства, произнести:

– Здравствуй, моя хорошая! Я тоже русский.

Но тут горькая, как перцовый пластырь, мысль обожгла его мозг. Ведь Лера хочет француза! Лера желает парижанина! И его, Колины, откровения станут для неё большим разочарованием. Молчи, ухарь, молчи. И он промолчал. Заговорила Лера:

– Месье Николя, а что мне завтра посмотреть в Париже?

Что тебе, моя радость, посмотреть? Я покажу всё. Мы будем улыбаться друг другу в саду Тюильри, я обниму тебя на ступенях Нотр-Дам, мы заблудимся в Булонском лесу, потеряем равновесие на верхушке Эйфелевой башни, выпьем божоле в Латинском квартале и закусим в миленьком ресторанчике на Монмартре.

– Гарсон, по последней! – Николаша смотрел в самую глубину потемневших Лериных глаз.

– Я сам вам всё покажу. И можно начать прямо сейчас. Пойдём?

– Да. Как звучит моё имя по-французски? – Лера, словно на что-то решившись, вскинула брови.

– Валери... А моё по-русски?

– Николаша...

– Подходяще.

Глава 4

Наутро не потребовалось бы большого труда убедить Николашу в существовании вечной любви и взять с него, как подписку о невыезде, клятву верности Лере Новиковой.

Прошлая ночь стала для Николаши потрясением. С таким размахом, широтой и, если хотите, лихостью ещё никто никогда его не познавал. В эти часы он чувствовал себя лакомством для сладкоежки, деликатесом на столе гурмана, шедевром в золочёной раме перед восторженным ценителем. Хотя всё его богатство состояло из одного мужского тела бледной окраски и средних размеров. Лера безоговорочно приняла его капитуляцию, умело провела инвентаризацию своих новых владений и, засучив рукава, всерьёз принялась за дело.

Дело у неё спорилось. Трудилась она увлечённо, обстоятельно, не пропуская мелочей и не откладывая ничего на потом. К утру Лера, заработав непререкаемый авторитет и непоколебимое уважение, погрузилась в сон. Коля, заподозрив лучик чуть тёплого средневропейского солнца в попытке развалиться на Лериной подушке, встал, чтобы задёрнуть портьеру.

Лера спала как ангел, не продавливая кровати. Николаша залюбовался и даже заглянул ей за спину – не помялись ли крылышки? Крылышки не помялись, их просто не было. Но рядом с постелью, на тумбочке он увидел сумочку Леры и, как и положено разведчику, для которого лишней информации не бывает, решил проверить, что носят бескрылые ангелы в сумочках от «Лансель».

Как он и ожидал, там оказались: батистовый, небесных оттенков платочек, наборчик инструментов для чистки пёрышек, косметичка, знакомый уже бумажник, мобильный телефон и паспорт.

На чёрно-белой фотографии Новикова Валерия Александровна тоже выглядела ангелом, только серьёзным, возможно, даже учёным ангелом. Возрасту ангелу было двадцать семь лет и пять месяцев. Ангел родился в Подольске Московской области и имел, как Коля уже заметил, женский пол. По этому документу ангел выезжал прошлым летом на две недели в Турцию и зимой в Финляндию, но только на пять дней, потому как на севере ангелы зябнут.

Посмотрев паспорт, Коля открыл бумажник. Этот ангел был не из бедных. Четыре пластиковые карточки, две из которых золотые, и пятнадцать лиловых купюр по пятьсот евро. Там же были какие-то квитанции, шестьсот российских рублей, несколько дисконтных карточек московских магазинов и одна автосервиса в районе Марьино. Ангел как ангел, но... Николаша запустил пальцы в отделение за пластиковыми карточками и вытащил водительское удостоверение. С фото на него взглянуло то же лицо, только обрамлённое тёмными волосами. Но и темноволосый ангел по-прежнему выглядел волшебным. Доброе, нежное, трепетное создание, воздушное и лёгкое вдобавок. Только теперь это была Нина Константиновна Назарова, двадцати девяти лет и двух месяцев от роду.

«А ангел-то с секретами, – озадаченно подумал Николаша. – С двойным донышком наш ангел».

Агент Николаша секретов и пробелов в знаниях не терпел. Секреты он обязательно разгадывал, а пробелы непременно заполнял.

«Тут без помощи старших, более опытных товарищей не разберёшься, – подумал, глядя на права, Николаша. – Придётся звонить в Москву».

Он прошёл в ванную комнату и набрал телефонный номер.

В Москве было занято. Москва жила напряжённой жизнью. Все при деле. При том же самом, что и сто пятьдесят лет назад, – сообща выясняли: кому же, наконец, на Руси жить хорошо?

– Не нам! – кричали чиновники с потупленными глазами. – Вы только посмотрите, какие у нас хилые оклады, в каких убогих конторах мы от зари до зари сидим. А бесконечные при-

ёмные часы и длинные очереди из назойливых посетителей! Да-да, именно назойливых... Мы и так, мы и этак не решаем наболевших вопросов, затягиваем с ответами, а они всё ходят и ходят... Несут и несут... Мы уж и родню подключили, всех своих рассадили по ключевым местам, а они несут и несут... Мы устали!

– И не нам, – вторили краснолицые гаишники и другие романтики с большой дороги. – Уж мы у них проверяем документы с утра до ночи, тормозим на каждом углу, а порядка нет как нет. Учим их, учим, а они ни в какую. То регистрация отсутствует, то техосмотр, а иной раз вообще обрезают – денег полные карманы набьют и на рожон лезут. Нестерпимо это...

– А нам какво?! – голосили бизнесмены-предприниматели. – Мы только напредпринимает чего, колбасы там по гаражам навертим, краденую машину разберём, так тут же санэпидемслужба: «Покажите нечистые свои руки. Что это вы там в кулаке такое зелёнькое зажали? А ну-ка давайте сюда поскорее». А за спиной у них уже другие стоят, с ноги на ногу нетерпеливо переминаются, глядят на нас голодными глазами...

– А нам?! А нам-то! – слышно из всех городов и весей. Стон идёт по Руси, вой, плач... Кричат: – Не хотим! Не вносите нас в список тот...

– Какой список?

– Да тот самый... В список, кому на Руси жить хорошо. Не вносите, не надо... От греха.

Коля открыл воду в кране посильнее, чтобы своим звонком не помешать спать Лере, и снова набрал номер. В Москве сняли трубку.

– Алло, вас слушают.

– Здравствуй, Никитич, это я, Николай.

– Здорово! Какими судьбами?

– Некогда объяснять. Потом. Помощь нужна.

– Ну-ну, чем могу...

– Проверь, пожалуйста, кто такие: Валерия Александровна Новикова, двадцать семь лет, Московская область, и Назарова Нина Константиновна, двадцать девять лет. Когда позвонить?

– После двух по Москве. Когда Коля вернулся в комнату, он увидел, что ангел успел поменять позу, и теперь перед ним на постели лежала уставшая после охоты подруга леопарда. Плавные линии её тела таили угрозу.

Коля сел в кресло напротив кровати.

«Тайна украшает женщину значительно больше, чем выпрошенная у мужа шубка из крашеной норки. Ничего не скажу про соболя – ещё не доводилось водить знакомство с дамой в соболях, но убеждён, что тайна привлекает сильнее. Она заставляет прямолинейный инстинктивный импульс сделать плавный вираж в сторону мозга. Загадки добавляют полутонов, оттенков и нюансов в неприглядную картину отношений между полами. Справедливости ради надо отметить, что наряду с тайной женщину также украшают молодость и богатство. И что же мне с тобой делать? – думал Николай, любясь ускользящей под одеяло персикового цвета ладной фигуркой. – Что писать в донесении? Ушла, пришла, купила или подробно, про ночь страсти и Нину в водительском удостоверении? Если работодателем является муж, фамилию которого она приняла во дворце бракосочетания (а заодно меняла и имя с отчеством), то вряд ли он обрадуется моей прыти и любопытству. Уволит без выходного пособия и будет прав. Пожалуй, лучше промолчать. Напишу-ка без подробностей».

Завтракали они молча. После бурной ночи у Леры Новиковой в голове почему-то не осталось ни одного английского слова. Несколько раз она попыталась обратиться к Николаше по-русски, но он убедительно не понимал. Пришлось перейти на язык мимики и жестов. Получилось неплохо.

– Тебе хорошо было со мной, дорогой?

– Великолепно, солнышко!

- Подлить ещё кофе, моя радость?
- Только после поцелуя...
- Поцелуй же скорее, милый, так хочется кофе.
- А можно ещё сюда и сюда, крошка?
- Обязательно...

В разговоре участвовали руки от кончиков пальцев до локтей, голова, шея, колени, грудь, но больше всего работы выпало лицам. Они лучились, застывали, морщились, гримасничали, румянились.

Из-за стола влюблённые встали с хорошо размятыми, как говорят спортсмены – разогретыми мышцами лица. Сейчас Николаша легко сумел бы изобразить движением бровей четыре степени удивления и семь (только вдумайтесь!), семь оттенков восхищения. Что уж тут говорить про улыбку! Улыбкой он смог бы рассказывать длинные анекдоты с непечатными выражениями. И уже было начал, но тут Лера вспомнила кое-что из английского:

- Что сегодня делаем, Николая? Куда едем?
- Ты лучше пройдишь пока по магазинам, а я отлучусь на кафедру. Встретимся часа в два. Хорошо?
- Да, Николая. А где? Где ты мне назначишь свидание, дорогой?

Коля задумался. К такому выбору он всегда относился вдумчиво. Неправильное начало randevу могло привести к затягиванию процесса и даже к решительному «нет». Ещё в Москве, будучи курсантом, Николай взял за обыкновение назначать девушкам встречи в метро, причем с глубоким смыслом и внутренней логикой.

Летом, в хорошую погоду он иногда говаривал кудрявым, фигуристым хохотушкам: «В восемь тридцать у чаши, форма одежды – легко расстегивающийся лифчик. Не опаздывай». И сам являлся с дорожной сумкой, в которой лежал клетчатый колючий плед, бутылка белого саперави и пачка молочных сосисок.

У чаши – это в переходе между «Курской»-кольцевой и «Курской» же, но радиальной. Чаша – опора цвета бронзы в переходе метро, выполненная в виде большой, раскидистой, уходящей в потолок вазы. Девушки не опаздывали, приходили вовремя и ехали с Колей электричкой до тенистых берегов реки Лопасни, где у них на колючем пледе легко расстегивался лифчик.

Умным девушкам в очках Николаша говорил так: «У круглой головы в восемнадцать пятнадцать. Сначала пойдём в театр». У круглой головы – это у круглой головы и есть. На станции метро «Площадь Ногина» стоял бюст затерявшегося в анналах истории Ногина. Сейчас уж не все и название станции вспомнят, не то что имя революционера.

Интеллектуалок Коля вёл на Малую Бронную улицу и показывал спектакль «Дон Жуан». Там со сцены артист Казаков, игравший главную роль, аргументированно убеждал умниц в необходимости срочно отдаться Коле под бутылку красного саперави и, опять же, пачку молочных сосисок.

Романтических, возвышенных девушек с неопределённостью во взоре Коля вызывал «под синее небо». Станция метро «Октябрьская»-кольцевая напротив эскалатора наверх. На этом месте можно увидеть ворота с кованой решёткой, за которой простирается бездонное, чистое и ясное небо. У «синего неба» романтические девушки, которым вечно хочется податься на край света, глубоко вздыхали, глаза их начинали блестеть – и парочка тут же отправлялась на ужин с бутылкой "саперави"...

Сейчас Николай пытался определить, где следует назначать свидание Лере Новиковой. До края света они уже добрались, убеждать в чём-то Дон Жуану уже поздно, тащиться до Лопасни не сезон...

- Я буду ждать тебя на Левом берегу, перед Домом инвалидов, потому что себя им как раз и чувствую. Напоминаю, в четырнадцать часов.

- Кем? Кем ты себя чувствуешь?
- Инвалидом...
- А что с тобой случилось?
- Обострение. Обострение хронического недуга с названием... – Коля поднёс руку к груди. – Мне кажется, этот недуг и у... Я не опоздаю. Поболеем вместе.

Глава 5

Основательную пластическую операцию тогда решили не делать. Немного подтянули щёки, подрезали нос, изогнули брови – и всё, иди гуляй. Вот тебе ключи от списанных служебных «Жигулей», вот от квартиры в Орехове-Борисове, чтобы в центре не отсвечивал. Вот содержание, сколько положено по штатному расписанию, и до свидания. Ожидай в резерве, мы, когда понадобится, позовём. Да, ещё, чуть не забыли, – документы. Паспорт тебе новый, водительское удостоверение, справки... Имя не перепутай – Челюскин Никитий Никитович. Привыкайте, Никитий Никитович.

– А Никитий – это не опечатка?

– Нет, – ответили в кадрах. – У нас опечатки исключены.

К провалу хороший агент должен быть готов всегда. А тот, кого сейчас называют Челюскин, был одним из лучших в своём деле. Поэтому его не смогли взять. Когда перебежчик начал сдавать агентуру, как бутылки после хорошей пьянки – с грохотом и боем, он успел скрыться. Автомобиль бросил в Колорадо, дальше товарным поездом в Техас к мексиканской границе, пересёк её пешком с контрабандистами и сел в Акапулько на российский сухогруз, который направлялся в свой порт приписки – Новороссийск. Сам-то ушёл, а семья, хоть и залегендрованная, но всё-таки родная: двое ребятишек, жена и тёща, – осталась в стране пребывания. Остался и бизнес, пусть по заданию Центра выбранный, но своим трудом на ноги поставленный. И честно нажитый дом, шестнадцать тысяч кредита банку ещё отдавать. Брошена собака, любовница, друзья... Там, «в поле», осталось всё, что составляет нормальную человеческую жизнь.

Конечно, Челюскин сохранил свободу. Он не получил пожизненного срока в душной тюрьме возле Нового Орлеана. Его не пытали током и не вкалывали депрессанты, его не пугали страстными неграми и перспективой сойти с ума. Он сумел улизнуть. Но большой радости Никитий Никитович почему-то сейчас не испытывал. Хоть и не был Челюскин идеальным семьянином, но и скотиной тоже его не назовёшь. Тосковал по родным, скучал по работе. И почему он должен всё терять, если какой-то сволочи захотелось поменять водку на виски, а «Ладу» на «фордик»? Терпеть, что его Никития (тьфу, ну и имечко выдали. В прошлый перестой в резерве звонче было: Борис Беринг), Никития Челюскина, подполковника внешней разведки, «толкнули за баксы» и поехали к океану, во Флориду, купаться да девок сисястых на полученные бабки прикупать? А дети Никития будут расти безотцовщиной? Жена сидеть в долгах, пёс выть по ночам, друзья спиваться? Это правильно?

Перебежчика, Толика Зюбу, Никитий знал лично ещё с лейтенантской поры и сейчас считал своим врагом, человеком, который разрушил его маленькое обывательское счастье. И не такой был новоявленный Челюскин, чтобы забывать или прощать. Нет, не такой...

Осевший в резерве Никитий Никитович имел план действий. Простой как лом и как лом же прямой. Он решил вернуться, наказать Зюбу и жениться на своей супруге снова. Только так, и никак иначе.

Контора ему в этом деле не помощник. Контора последнее время почему-то не наказывает перебежчиков. Стесняется, что ли? Или руки стали коротки? И расхаживают они, живы-здоровы, книжки строчат. На преданной родине сочинения эти продают и на вырученные деньги неплохо себя чувствуют, интервью дают, улыбаются. Никитий Никитович не согласен с таким положением дел!

Никитий Толика Зюбу найдёт обязательно, этому его давно и неплохо научили. Посмотрит в глаза, послушает вескую аргументацию в защиту предательства и... и приведёт приговор в исполнение, не оглядываясь на Европарламент, мораторий и презумпцию. А потом поедет к жене.

Американская жена Никития Никитовича – женщина необыкновенная. Таких на Среднем Западе можно пересчитать по пальцам правой руки, и столько ещё пальцев останется, что хватит сложить их в большой кукиш и показать всем другим мужикам. Разумеется, за ней будут следить ребята из ЦРУ, и запросто, в открытую к ней не подобраться. Но Никитий кое-что придумал – он изменит внешность. Не так, как это сделали по приезду конторские – на скорую руку, халтурно. Он задумал обновиться кардинально, чтобы комар носу не подточил. Удлинить ноги и руки, подправить осанку, походку, растолстеть, а самое главное, скроить лицо другой расы. Он станет жёлтым, узкоглазым.

Жена, Никитий был уверен, примет его любым. Ей он откроет правду, только ей, а детей усыновит. И никаких проблем.

Дело упиралось в то, что сложные операции и манипуляции, мероприятия и медицинские методики стоили весьма заметных денег. В Америке Челюскин был небеден, в Москве же с копеечным содержанием он почувствовал себя пассажиром дальнего следования, у которого на полдороге украли и чемодан, и бумажник. Деньги нужны были позарез, и Никитий не отказывался ни от какой работы. Конечно, он не ходил по ночам с совковой лопатой на Москву-Товарную разгружать вагоны с цементом, не развозил по вызовам в спальные районы приземистых молдавских проституток, а предлагал высококачественные профессиональные услуги. Услуги мощного аналитика, опытного разведчика, матерого оперативника. Продавал свою смелость, ум, отвагу и опыт. Честь не продавал. В прошлый перестой в резерве он провёл в Барселоне операцию по спасению некой Риты Пестовой от чрезмерной опеки нехороших людей. Деньги получил приличные, но их недостаточно для осуществления задуманного плана. Только на подкуп сотрудников охраны Зюбы уйдут десятки тысяч долларов, не говоря уже обо всём остальном. Медицинские операции, лечение, транспорт, оборудование, текущие расходы... Никитию надо ещё много заработать. Поэтому он с радостью принял предложение Николая Перегудова помочь в деле Назаровой-Новиковой. Как ему действовать, Челюскин знал. Ничего сложного. Для начала собрать легальные данные: милиция, паспортный стол, соседи. Затем поговорить с друзьями, пусть охарактеризуют с хорошей стороны и выдадут недругов, а если повезёт, то и врагов. А уж потом, проанализировав ситуацию, сделать выводы и решить, в какую сторону двигаться дальше.

Приятель из информационной службы перезвонил быстро, уже через двадцать минут.

– По Новиковой пока ничего сказать не могу, а про Назарову слушай. Нина Константиновна Назарова, двадцати девяти лет, родилась в Ленинграде в семье полярников. Отец, Константин Георгиевич, учёный-геофизик, мать – метеоролог. Они и сейчас в Антарктиде на зимовке. В тысяча девятьсот девяносто втором году после окончания средней школы Нина поступила учиться в Московский институт управления, который окончила в девяносто седьмом. В том же девяносто седьмом году вышла замуж за Михаила Ефимовича Генкина. Брак просуществовал два года, Генкин решил выехать на постоянное место жительства в Израиль, а Нина Константиновна отказалась. Разошлись. Замуж больше не выходила. Живет в Сокольниках, Олений Вал, двадцать четыре, квартира четырнадцать, телефон: девятьсот пятнадцать тридцать пять пятьдесят восемь. Место работы: сотрудник аппарата совета директоров холдинга «Колонна» с окладом тридцать пять тысяч рублей плюс премии. Номер налогоплательщика и номер пенсионной карточки имеются. Записывать будешь, Никитич?

– А что там записывать? Обычная московская, хорошо устроившаяся возле нефтяной трубы и бюджетных денег дамочка. Машина иномарка, квартира в новом доме, серая зарплата – всё по первому, как я полагаю, классу? – Никитий Никитович захлопнул блокнот, в котором остался телефон и адрес.

– Так-то оно так, Никитий, только одно маленькое но... – Приятель замялся.

– Что ещё? Договаривай.

– Схоронили её третьего дня, Никитий. На Котляковском кладбище.

Глава 6

Латинский квартал называется так потому, что первые студенты университета, основанного каноником Робером де Сорбонном, говорили друг с другом именно на этом вышедшем из общенародного употребления языке.

Разумеется, здесь достаточно мест, где можно сесть перед компьютером, войти в мировую Паутину и отправить сообщение. Только вряд ли это получится сделать на русском языке. Клавиатура с кириллическим шрифтом редкость в Латинском квартале Парижа. А Николаю хотелось написать именно по-русски, ведь наняли его как русского. Таинственному заказчику это, наверное, казалось важным.

Пришлось Николаше обратиться к истокам. Истокам византийской письменности. В греческом ресторанчике в Сен-Жермен, поблизости от площади Одеон гостю, заказавшему чашку кофе и рюмку коллекционной метаксы, разрешили посидеть за столом метрдотеля, с компьютера которого можно писать кириллицей.

Электронный отчет о первом дне пребывания в Париже мадам Леры Новиковой ушёл в одиннадцать часов двадцать три минуты по средневропейскому времени. Исходя из текста письма неизвестный работодатель должен был оценить поведение Леры как обычное, а времяпровождение признать скучным. Магазин – кафе, магазин – кафе. Николаша перечислил покупки и приобретения с указанием стоимости и размера. Он включил в отчет все выпитые им чашки кофе, парковочные квитанции, двадцать литров высокооктанового бензина и новый галстук, которым хотел себя порадовать ещё к Рождеству, но не поднялась рука из-за дороговизны. Сумма причитающихся ему ежедневных выплат увеличилась на сто тридцать два евро и семьдесят пять евроцентов. Как незначительный эпизод вскользь отметил Коля и разговор в кафе с местным жителем, то есть с собой. В подробности этой встречи он решил не вдаваться.

Своё теперешнее настроение Коля охарактеризовал бы как хорошее на грани отличного. Тут-то и раздался телефонный звонок от Никития.

– Как – умерла? – Мысль о смерти ворвалась в сознание Николая, как холодный скальпель кардиохирурга в жаркое, недавно ещё пульсировавшее, большое сердце.

– Не знаю пока. – Никитий Никитович одевался, чтобы поехать в Сокольники, где жила Нина Назарова. – Подожди чуть-чуть.

– Что-то здесь не так, Никитич. Странное совпадение... – Николаша нахмурился, оглядываясь. Вокруг него студенты естественных факультетов Сорбонны поедали греческие салаты, обильно сдабривая их зеленоватым, первого отжима, оливковым маслом с чесноком.

– Все там будем. Кто раньше, кто позже... – Никитий искал глазами кепку. – А со второй-то... Валерией твоей, – и того хуже...

– Как это? Разве может быть ещё хуже? – удивился Николаша.

– Ну, на этом свете всё возможно. Назарова-то Нинка хоть пожила маленько, – вздохнул Челюскин. – А этой, Валерии Александровны, двадцать семи лет, уроженки Московской области, вообще нет и никогда не было на нашем белом свете.

– Да ну?! – не удержался Перегулов.

– Где ты только такую публику находишь, Коля, хочу тебя спросить? Что ни человек, то сразу неприятности!

– А паспорт? Её заграничный паспорт?

– Фальшивка, наверное. Сейчас ведь это легко и просто, были б сольди.

И Никитий Никитович коротко, точно и ясно, не оставляя места для вопросов, изложил Николаю все полученные данные. А когда закончил, услышал в ответ:

– Значит, так, дорогой, как там сейчас тебя?... Никитич, прошу, будь поосторожнее. Чувствую, серьёзное затевается дельце, возможно, с кровоподтёками.

– Ладно, Коля, не пугай. Так говоришь, словно я страшной мухобойки в руках ничего не держал. Прорвемся, не впервой. – В эту минуту Никитий склонился к двери в прихожей и посмотрел в глазок. Привычка проверяться неистребима. – Поеду-ка я по адресу, посмотрю на местности, что к чему, и отзвонюсь тебе сразу. Бывай!

– Жду, – сказал Николаша и услышал в ответ короткие гудки.

«Да, дела... Не похоже как-то на мужа-ревнивца. Не сходится. Как ни крути, а ни одна из них не замужем. Генкин, бывший муж, не в счёт. Другое тут скрывается, с московским размахом... С большими деньгами, такими большими, когда уже не церемонятся. Но... Но информации для выводов, да и для версий, маловато. Надо самому поработать с Лерой да Никития ждать. Больше источников нет, не связного же расспрашивать? – Коля задумчиво рассматривал вторую рюмку метаксы. – Хотя почему же нет источников? А работодатель? Он-то что пишет? Откуда деньги перечисляет? Его адрес электронный? Возможно, ниточка и отыщется».

Коля решил проверить почту, с момента отправки прошло сорок семь минут.

В ящике ждало сообщение от заказчика. Колю благодарили за службу, сообщали о переводе гонорара и компенсации расходов, просили быть внимательней и составлять более подробный отчёт. Сообщение оказалось без подписи.

Перегудов допил коньяк и поднялся, чтобы идти к Дому инвалидов на встречу с Лерой Новиковой.

Мутноватая Сена понуро и сосредоточенно, словно боясь промахнуться между опорами моста Менял, тащила одну за другой приземистые баржи со щебёнкой и песком.

Старой реке, сразу видно, было тяжело. Она сильно устала. Ей давно надоело течь в Гавр и впадать в Ла-Манш, такой же древний и унылый, как и она сама. Смешанная с водами Рейна, Шельды, Мааса и Луары, она чувствовала себя, как больной под капельницами, – истерзанной и вялой. А хотелось Сене всегда оставаться молодым прозрачным ручейком, звонко журчать между камнями и никогда, никогда не добегать до Труа, где её поджидали гружёные баржи и грязные буксиры.

Николаша Сене сочувствовал. Впрочем, сейчас он был готов обнять и утешить весь мир. Спросите почему? Да потому что скоро к нему на встречу – он это чувствовал – по набережной лёгкой походкой придёт волнующая женщина, слаще которой он не знал и, наверное, уже не узнает. Даже путаница с её именами не способна огорчить его сегодня. Сегодня не важно, как её зовут. Главное, что она потрясающе, ослепительно красива, и ему совершенно наплевать, что у неё в сумочке фальшивый паспорт.

Лера приблизится. Улыбка осветит её лицо. Коля zalюбуется ею и, боясь забыть, что не должен говорить по-русски, откроет рот для приветствия, но она опередит его и скажет:

– Николя, прости, я вчера обманула тебя. Сейчас ты узнаешь всю правду.

Коля посмотрел на Левый берег, к нему действительно шла назвавшаяся Лерой женщина. В её облике, осанке, походке, изгибе бровей не было ни малейшего намека на прошедшую ночь. Как будто между ними ничего не произошло. Словно они не испытали близость друг друга и не познали один другого в самые интимные мгновения жизни. Лера казалась сдержанной, если не сказать отчужденной. Коля недоумевал.

– Так, где тут у вас музей д’Орсэ, месье? И они пошли в музей. Да-да, просто пошли в музей. Не было случайных прикосновений, лёгких объятий, лукавых мимолётных взглядов, улыбок и намёков. Только живопись, скульптура и искусство. Коля ничего не понимал.

Когда экскурсия закончилась и остались позади импрессионисты, постимпрессионисты, сюрреалисты, абстракционисты, кубисты, дадаисты и прочая цветастая братия, Коля повернулся к Лере и сказал:

– Сегодня мы ужинаем в «Хвосте петуха». Я заеду в семь.

Глава 7

Москва задыхалась в пробках. Тысячи и тысячи автомобилей с включёнными двигателями, выпуская друг другу в нос синеватые выхлопы, выстроились прерывающимися у светофоров гусеницами, которые тянулись к центру по семи основным лучам проспектов.

На Варшавском и шоссе Энтузиастов правили бал большегрузные машины из Тулы и Нижнего Новгорода. По Каширке и Волгоградке тащились на «Жигулях» дачники-шестисоточники, по Дмитровке возвращались грибники и рыболовы, по Ленинградке жители неоднозначного района с кивающим на Америку названием «Зеленоград», а по Кутузовскому, само собой, скользило начальство.

В столице начальства много. Найдётся на любой вкус. Ты вроде как и не шишка, если домой едешь по Профсоюзной улице. Так, мелочь пузатая, пшик. Знать, нет у тебя секретариата, референтов, бюджетной позиции. И украсть тебе, судя по всему, неоткуда. Смело можно тебя обгонять и подрезать, брызгать на бока и подфарники. А на Кутузовском и Рублёвке совсем другое дело, там и машины выглядят почище и даже, кажется, размером побольше.

Там катит качественный, первосортный начальник, матёрый слуга царю, отец родной широким народным массам. Он глядит на детей своих через окошко с заднего сиденья казённого автомобиля и сетует, качая головой:

– Ну что с ними такое случилось? Что произошло? Совсем от рук отбились, озорники.

– Валидольчику, Петр Степанович? – спросит вежливо личный шофер, скосив глаза в зеркало заднего вида.

– Ничего, – отмахнётся начальник и продолжит: – Я старался... всё... Всё для них сделал. Всё, что они хотели, им пообещал, даже больше, чем мог, а они...

– Что – они, Петр Степанович?

– А они не верят! Оборзели... и не верят. Почему? – задумается Петр Степанович, вспомнит: «А ведь раньше верили. И крепко! В партию записывались. Лысому буяну, простофиле, и тому верили... Через двадцать лет, говорил, будет вам коммунизм, идите в лавку и берите всё бесплатно. Каждому по потребности обещал. Минуло два десятилетия, народ, видать, не забыл, пришёл народ в лавку, а там... Только уксус и горчица, но не дорого, правда, и много.

– Это коммунизм? – спросили люди.

– Это развитой социализм, – поправил народ Лёня-миротворец. – Мы боремся за мир во всём мире, и у нас, надо отметить, неплохо получается, только слишком много средств и сил уходит на пули и снаряды. Потерпите, вот вам, чтобы аппетит перебить, Продовольственная программа, пожуйте её пока.

– А квартиры? Жить-то как?

– По норме! По норме жить, по пять метров на человека, как по-другому? – удивилось начальство. – Пять метров – это целых две с половиной могилы. Да вот ещё, чуть не забыли, которые будут на одном месте хорошо работать, тем шесть соток земли за Каширой дадут, в очереди и на расширение, и на машину поставят.

И верил народ, и жил с надеждой. А с надеждой, согласитесь, легче и радостней. Да и мы, начальство, никогда не обманывали, почти всех в очередь ставили... А которые ветераны и герои, те могли и без этого полбанки в магазине взять, если пустят, конечно. Порядок был, справедливость. И жил ведь народ не тужил. Жил в домах, на крышах которых красиво и понятно горели буквы „СЛАВА КПСС“. А сейчас? Сейчас что там светится? „SANYO“ какое-то. Эх, так и живём. Коряво, непросто...»

Никитий Никитович пробки любил. В пробках он много и плодотворно работал. Строил планы, разрабатывал операции, анализировал накопленную информацию и систематизировал

опыт. Сейчас Челюскин изучал новый язык – монгольский. Хотел заговорить на нём. Внешний облик именно этого народа Никитий намеревался разместить у себя на лице. Имея обыкновение готовиться к операции со всей тщательностью, он теперь усердно изучал монгольский язык, набирался знаний в области обычаев, нравов и пристрастий. Временами верил в Будду.

Дом Нины Назаровой стоял на берегу пруда. В Москве немало водоёмов, и если постараться, то можно устроиться так, чтобы в окно кухни видеть сажающихся на воду уток. Дом был хороший, новый, светлый, с пустыми ещё, незаставленными балконами.

Никитий открыл дверь. Вместо военизированной охраны в подъезде оказалась только консьержка – пожилая, в толстой кофте, жарко одетая женщина с выпуклой необъятной спиной.

– Вы к кому это? – Голос её оказался высоким и тонким. Такой незаменим в базарной сваре при разделе торговых мест на стихийном привокзальном рынке. У окликнутого посетителя от подобных интонаций часто пропадало всякое желание идти в гости. Зато неожиданно возникало другое, совсем не характерное для него и самому ему противное желание: где-нибудь неподалёку от этой бабы справить напористой мутной струёй малую шkodливую нужду и убежать, хлопнув напоследок дверью. – К кому идёте-то, спрашиваю?

– В четырнадцатую, – буркнул в ответ Никитий Никитович. Он сразу понял, что эта женщина для него настоящая находка. Недоброжелательный, обозлённый человек более наблюдателен и любит совать нос в чужие дела, а значит, ему многое известно.

– Нет там никого, – последовал ответ. – Вам-то откуда знать?

– Никитий даже не обернулся. – Схоронили её в среду, Нинку-то... Доигралась. А вы кто ей будете?

– Как – схоронили?! – вполне достоверно опешил Никитий. – Почему схоронили? Что с нею?

– Известно чё, этот, как его... Суицид... Руки на себя наложила.

– Повесилась?

– Не-е, травилась она... Не откачали. А вы? Вы, спрашиваю, ей кто будете?

– Я-то? Я председатель гаражного кооператива. У неё за стояночное место с мая не платили, полторы тысячи уже набежало, а трубку дома никто не берёт. Вот я и приехал. – Челюскин отодвинул со лба кепку.

– У неё и гараж был? Не знала.

– А как же? Был бокс. Далековато, правда... – Далеко? То-то я гляжу, машина её всегда перед домом стояла. – Консьержка кивнула головой в сторону улицы.

– Какая машина? – спросил Никитий. – А то у нас почему-то не зафиксировано.

– Да вон, синяя. Она и сейчас там стоит.

Действительно, рядом с подъездом был припаркован малолитражный «фордик» тёмно-синего цвета.

– Как же быть? Гараж переоформлять надо, а ни бумаг, ни наследника у меня нет, с кем связываться теперь?

Консьержка не торопилась выкладывать Никитию всё, что знала. Она неопределённо пожала массивными плечами: мол, сам разбирайся, я тебе не помощник.

– А хоронил её кто? Родные?

– Не знаю я. Как на «скорой» увезли, так никто больше её и не видел. А родителей её я не знала никогда. Да и были ли у неё родители-то? У шалавы этой. – Хранительница порядка, судя по всему, Нину Назарову недолюбливала.

– А что, жилища вольный образ жизни вела? – Никитий строго посмотрел в глазки консьержки.

– Всяко бывало... И под утро домой заявлялась, и не ночевала, бывало. Баба она молодая, одинокая, а кобелям много ли надо?

- И деньги у неё водились? – спросил Никитий. – Что это она за гараж задолжала?
- Деньги? – Консьержка задумалась, вспоминая. – Как не водиться, если только квартира, почитай, сто тысяч стоит. Да и сама в золоте ходила, и в ушах, и на пальцах, везде.
- А денег мне за четыре месяца не заплатила. Нехорошо. С кого теперь получить? Она одна жила?
- Захаживал тут...
- Кто такой?
- Женщина неопределённо пожала плечами.
- А «скорую» кто вызывал? Вы? – «Скорую»? Не знаю. Может, из знакомых кто-то? Да, точно. Позвонили ей или с работы, или друзья какие, а она лыка уже не вяжет, ну и вызвали.
- Кто? Кто с работы? Какие друзья? Найти бы их. – Тут Никитий подsunул сотенную. – Мне же место переоформлять срочно нужно.
- Не знаю я. Как увезли, так и всё... Никаких посетителей не было. Из морга и похоронили её... Во всём новом, видать, положили. За вещами не приходили.
- А ключи от квартиры у кого? – Никитий подsunул ещё сотенную.
- А вам зачем? – Маленькие глазки остро кольнули Челюскина.
- Да вдруг документы на стоянку срочно потребуются. Копию там снять или уточнить чего.
- Ключи-то имеются. В сейфе здесь лежат, но без коменданта выдавать нельзя. – Консьержка шустро прикрыла купюру растрёпанным журналом. – А комендант у нас того, строгий, с ним не договоришься. – А с вами? Может, лучше с вами? – Никитий напряг всё своё обаяние. – Давайте лучше с вами. Вы, я вижу, женщина правильная, понимающая, мне с вами проще дело иметь. Как вас звать-величать?
- Оксаной Тарасовной зовите, – сказала консьержка, внимательно посмотрев на Никития Никитовича. – А вас?

Оксана Тарасовна Стесюк была женщиной неглупой. Под внешностью и голосом вздорной недалёкой хабалки был скрыт человек цепкого ума и холодного рассудка. Анализ, синтез, экстраполяция и дедукция – вот названия тех процессов, что протекали в её голове. Разумеется, она знала всё, что происходит во вверенном подъезде, ведь охрана её истинное призвание. Охране Оксана Тарасовна посвятила всю свою жизнь.

С двадцати четырёх лет Оксана служила в учреждениях пенитенциарной системы в должности, как там называют, контролёра, а по сути надсмотрщика, вертухая. Служила верой и правдой, искренне полагая, что работа её так же необходима и полезна, как труд врача-окулиста или зоотехника-селекционера. Оксана была убеждена, что людям не нужна свобода, до свободы они не доросли и вряд ли когда-нибудь дорастут.

Да посудите сами, рассуждала она, хорошему человеку разве нужна свобода? Хороший человек – это сплошные обязанности. Семейные перед детьми и супругом: всех накормить, одеть, научить. Должностные перед сослуживцами и начальством: вовремя заступить, не подвести, четко выполнить. Перед соседями: сохранять тишину и покой, поддерживать чистоту и порядок. А разве не так? Так. А что есть свобода? Или свобода от чего? От обязанностей, от работы, семьи, совести? Свобода от закона? Не выйдет! Я уж за этим прослежу. И проследила. К людям она привыкла относиться как к спецконтингенту и делила их на две большие категории. На тех, кто пойдёт по строгому режиму, и тех, кому сойдёт и общий. Обстоятельства сложились так, что наступили времена, когда весь советский народ по глупости амнистировали и всем скопом перевели на общий. Одна надежда, что временно. Жильцов своего подъезда Оксана Тарасовна вообще считала незаконвоированными. У неё сильно чесались руки сделать личный досмотр, обыскать, проверить места возможной закладки и швы на одежде. У неё не укладывалось в голове, что ей нельзя обыскивать квартиры и карманы, сумки

и бумажники. Да как же так, сокрушалась она, а вдруг жильцы затевают побег или бунт. Что это за манера – ставить замки изнутри камер, а не снаружи, как положено? Они, эти жильцы, могут шляться до полуночи, проносить запрещённые предметы, иметь с кем угодно свидания и получать бесконтрольные передачи. «Так нельзя, – считала Оксана Тарасовна, – я с этим не согласна». И, устроившись на место консьержки подъезда номер один дома двадцать четыре по улице Олений Вал, сержант внутренней службы, старший контролёр Стесюк О. Т. взяла всю оперативную работу в свои руки.

Работалось ей легко, да это и понятно: ведь если любишь своё дело, если лежит к нему душа и тянутся руки, то всё идёт как по маслу.

Сначала работа с активом. Оксана Тарасовна выделила группу жильцов, которые будут стучать. Нет, не делать ремонт с помощью молотка, а стучать на соседей. Кто как живёт, с кем, почему, сколько получает? А тратит? В актив вошли разные люди и не всегда пенсионеры, отнюдь. Самыми деятельными оказались как раз те, у кого всё было, но им казалось, что этого мало. Как отличить тягу к справедливости от зависти? Разве нам не внушали: что моё – то моё, а что твоё – то наше? И «грабь награбленное»? Короче, актив сформировался быстро. Крепкий, работоспособный, инициативный. Правда, не очень дружный – стучали и друг на друга. Ну, это не самый большой недостаток.

Помощь актива облегчила второе направление работы: оперативный контроль. На каждого у Оксаны было заведено досье. Кто как живет, что имеет, чего хочет. Это только в толстых книжках у людей всё сложно, а на самом деле, Оксана Тарасовна знала, человек прост и незатейлив и желает вещей простых и понятных. Этот хочет выпить, а та замуж, одним не хватает денег на машину, а другим на лекарства. Что тут мудрствовать – все хотят жрать, спать, нарушать режим и жить чуть-чуть лучше, чем сосед. Сержант Стесюк видела своих подопечных насквозь.

Она взяла за правило ежемесячно делать обход мест содержания спецконтингента, то есть жильцов. Под разными предлогами проникала в их квартиры. То заказное письмо передать, то счёт за телефон, то позвонить, а то пьяному просто ключ в замочную скважину вставить, и всё вокруг примечала и фиксировала.

Жить стали богаче, нахальней и без страха. Неприятно стали жить. Досье заполнялись новыми и новыми данными о мебели и утвари, транспорте и заграничных поездках, вставленных фарфоровых зубах и норковых шубах. А говорили что? Мололи языками что ни попадя. И про власти, и про границу. И то не по ним, и это не так, только успевай записывать. Оксана Тарасовна и записывала. Но не только – она и анализировала информацию, давала оценку личности. Здесь враг, там нарушитель режима, субъект не встал на путь исправления и так далее.

Получила оценку и Нина Назарова. Перечеркнув красным первую страницу досье, Оксана написала «СП», что означало «склонен к побегу».

– А вас как называть? – Цепкий взгляд остановился на лице Никития Никитовича.

– Челюскин.

– Хорошо, товарищ Челюскин. Изыщем возможность, сходим к Назаровой на жилплощадь, осмотрим её и найдём документы. Куда вам позвонить?

– Записывайте номер.

Когда консьержка оторвала карандаш от бумаги, Челюскин попрощался и направился к своей машине. Он шёл и думал, что Нина Назарова ему нравится – молодая самостоятельная женщина. Да и как же иначе, если она вызывает неприязнь у этой Стесюк Оксаны Тарасовны?

Когда Никитий Никитович уже отъезжал от дома двадцать четыре по улице Олений Вал, старший контролёр Стесюк подняла трубку, набрала записанный на потрепанном журнале номер и, понизив голос, сказала:

– Интересовался тут один Нинкою, Челюскиным назвался, а звонить ему так...

Глава 8

Никогда в жизни не видела Лера такого крошечного молочника. В нём могла уместиться ровно одна капля сливок, наполнив его до краёв, даже с горкой. Рядом в блюде размером под стать молочнику лежало сухое хрустящее печенье. Почему именно хрустящее, объяснить бы она не сумела, но казалось, стоит только к нему прикоснуться, и оно раскрошится в пыль. Впрочем, брать его Лера не собиралась. Она вообще не шевелилась. Она думала.

«Почему я не встретила тебя раньше? Почему ты оказался на моём пути только сейчас, когда всё у меня так безнадежно запутанно, так невыносимо плохо? А с тобой становится ещё сложнее».

Она сидела в холле гостиницы и поджидала, когда же, наконец, за ней придут, возьмут под руку и поведут на Правый берег в ресторанчик «Хвост петуха».

«Улитки, рыба и розовое вино», – так описал предстоящий ужин Николая.

«Всё, что скажешь. Всё, что сочтёшь нужным. Улитки так улитки... Рыба?... Любая, от пескаря до кита. Розовое? Значит, розовое, но если захочешь зелёное, буду зелёное, или синее, серое, фиолетовое... Только скажи, мой милый, я готова принять любое из твоих рук».

Похожий на отставного тореадора официант склонился в вопросительном изгибе:

– Желает ли мадам что-нибудь ещё?

Конечно же желает! Очень даже желает! Ещё как! Желает, чтобы сейчас, немедленно сюда вошёл он, этот Николай Пере... Дальше не помню как. Чтобы все эти богатые искушённые дамы в туалетах от «Гуччи» и украшениях от «Булгари», что расположились в парчовых креслах и на диванах холла отеля «Ритц», устремили на него взгляды, а он их не заметил, а увидел только её, свою Валери, и помахал ей от двери рукой.

– Спасибо, месье, ничего. Впрочем, ещё кофе, этот остыл.

– Мерси, мадам. Одну минуту, мадам, – проговорил официант и забрал чашку. Молочник остался на столике.

«Потом он подойдёт, опустится в кресло справа от меня и скажет... Что же он скажет? Ах да! “Я скучал по тебе”. Точно, именно так. И все на нас посмотрят с завистью. А что такое “скучать”? Скучать – это, наверное, вспоминать о радости, которая может повториться, потому как, если вспоминать о том, что повторить уже в силу трагических причин не суждено, то это значит тосковать. А ещё я хочу, чтобы снова мне было двадцать и чтобы в компанию, встречавшую на даче в Фирсановке семь с половиной лет назад год Собаки, одноклассник Саня Половников привёл не соседа Мишу Генкина, а этого Николая. Тогда бы всё сейчас было по-другому!»

Мише Генкину тогда исполнилось двадцать шесть, он заканчивал ординатуру Первого медицинского инсти тут. У него были карие, чуть навывкате глаза и редкие кудри. Она совсем не собиралась становиться девушкой Миши, но почти у всех её подруг уже появились по-настоящему мальчишки, а у неё никого не было. Этот факт нельзя сказать, что сильно мучил её, но всё-таки слегка задевал. Ей надоели снисходительные, сочувствующие взгляды особо продвинутых сокурсниц, которых на виду у всех целовали на ступенях главного входа долговязые, в узких пальто и небрежно накинутых шарфах юноши, перед тем как посадить в по трёпанные родительские иномарки и, оставляя позади сизый дымок, увезти за горизонт. А ей, честно говоря, за горизонт не сильно-то и хотелось. Не было в ту пору у неё нужды тащиться неизвестно куда. Вдруг там придётся целоваться?

Первый опыт в этом деле у неё получился неудачным. Она уже училась в одиннадцатом классе, и дальше оттягивать было просто неприлично.

У него оказались липкие губы, и весь он пропах табаком и закуской. Звали его Вадик. Она потом долго тёрла в ванной рот длинной жёсткой мочалкой. Хотела даже попробовать с

мылом. После к мужчинам её долго не тянуло, но... участливые взгляды, покровительственные советы сделали своё дело, и она сказала Мише Генкину «да», хотя совсем этого не хотела. А чего же она хотела? Сложный вопрос. Она далеко не всегда знала, как ей поступить, на чём остановить выбор, что предпочесть. Но зато имела твёрдое представление о том, чего ей не надо. Таким уж она была человеком. Никто не назвал бы её упрямой или упёртой, вовсе нет. Она прислушивалась к советам и уговорам, редко вступала в споры, но в результате всё почему-то складывалось наилучшим для неё образом.

Вялый роман с Мишей Генкиным продолжался четыре месяца. Всё в рамках приличий. Кафе, кино, один раз ездили на выходные за город, потом знакомство с его родителями – и у неё не хватило духу сказать «нет», когда он попросил её руки. Скрывая свои сомнения, она сказала «да». Расписались и стали жить. А в скором времени пришёл вызов в Израиль, и все генкинские родственники, весело переглядываясь, засобирались. И Миша тоже. Он только что опубликовал в «Медицинском вестнике» работу о новом методе исследования коронарных артерий сердца, послал её в Тель-Авив в медицинский центр «Фархат» и получил приглашение на работу. Дела складывались отлично. И вот тут она сказала «нет». Она остаётся и готова подать на развод. Миша развода не хотел. Он принялся настаивать, убеждать, уговаривать, но уж такой она была: её можно заставить сделать то, что она не хочет, только один раз.

Миша Генкин, перестав быть женатым, уехал в Израиль, а она осталась в Москве. Совсем одна, с сердцем, не разбуженным для чувств, не изведавшим любви. Одиночество не тяготило её, она привыкла подолгу быть одна. Родители – учёные-полярники, их от Южного полюса, от озоновых дыр за уши не оттащить. Дочь давно, чуть ли не с начальной школы, жила самостоятельно, обособленной от них жизнью. Постоянным местом прописки родителей считалась двухкомнатная квартира на улице Марата в Санкт-Петербурге, но на самом деле их родной стал посёлок Мирный в Антарктиде. Промежутки между зимовками проходили быстро: не успели раздарить все привезённые чучела пингвинов и моржовые бивни, как пора спешить обратно. Семейные отношения поддерживались через электронную почту. Так же происходит и сейчас, ничего не изменилось. Она посылает родителям два раза в неделю короткие сообщения, а они четыре раза, по два от каждого, но ещё короче. Дочь окончила школу, потом институт, устроилась на работу, продвигалась по служебной лестнице, вышла замуж, развелась – количество электронных сообщений никогда не менялось. И вряд ли когда-нибудь поменяется.

Скоро придёт Николя и поведёт её ужинать. То, что произошло вчера, совсем не характерно для неё – ни для Леры, ни для Нины. Это было наваждением. Париж, набережная Сены, сумерки, французская речь... Как всё было бы просто и хорошо, если бы они встретились с Николя при других обстоятельствах. Встретились просто и незатейливо, как находят друг друга жаждущие любви мужчина и женщина. Если бы не сложные, даже трагичные обстоятельства её жизни, как бы она была сейчас счастлива! И ей не пришлось бы ломать голову над тем, как выпутаться из истории, которая с ней приключилась. Ей страшно подумать, что может произойти, если Николя узнает про её проблемы. Как он поступит? Не переменится ли к ней? Станет ближе? Предложит поддержку? Или махнёт рукой и уйдёт? Может, лучше порвать с ним первой?.. Ах, будь что будет! А пока ей значительно больше нравится выступать в роли авантюристки – именно так, другого слова и не подберёшь! – Леры Новиковой, чем быть одинокой тихоней Ниной Назаровой. В глубине души она боялась. Но сейчас страх отступил и она улыбалась, потому что от входа, махнув ей рукой, шёл Николя. Лера поднялась.

Старенький «Рено» ехал по правому берегу Сены сквозь тоннель, где оборвалась жизнь одной очень упрямой принцессы. Когда они выбрались наружу, Николя приоткрыл окно и впустил воздух Парижа. Тот оказался хорош: влажен и добр к пассажирам. В салоне автомобиля стало светлее, вероятно, вместе с ветерком туда попала звёздочка, правда, совсем маленькая, незаметная. Но Николя всё же сумел разглядеть лицо Леры, когда произносил:

– Мёд и перец.

- Что значит «мёд»? – удивилась Лера. – Какой «перец»?
- Такая на вкус твоя сущность. И не знаю, что в ней мне больше нравится.
- Какая-то китайская кухня. Ты не находишь? – И, не дожидаясь ответа, Лера спросила: – А куда мы всё-таки едем? Где этот «Хвост петуха»?
- Уже скоро, – ответил её спутник. – Там всё очень вкусное.
- Как моя сущность?
- Ты ещё лучше.

Глава 9

Единственным существенным своим недостатком Николаша считал влюбчивость. За тридцать четыре года жизни с ним уже дважды случалось это недоразумение. Недопустимое количество.

Первый раз это произошло ещё на родине, в студенческие годы.

Мимо той девушки Николаю пройти было нельзя. Дело совсем не в красоте лица или стати тела, не в гладкости кожи, нежности румянца, божественной доброте, глубине понимания, тонкости ласк, оригинальности суждений, заразительности смеха и нарядности одежд. А в том, что если теория о блуждающих по белому свету в поиске друг друга половинках верна, то именно эта девица Колина половинка и есть. И не спрашивайте почему.

Сейчас, чтобы не скомпрометировать замужнюю женщину, назовем её просто А.

Любовь вспыхнула с первой минуты, роман приключился нешуточный, страсти бушевали без перерывов, остановок и затишья. Уговаривать никого не пришлось. Коля и А. обрушились друг на друга как два водопада. Чувства между ними сразу стало столько, что хоть выжимай. Они были пронизаны любовью насквозь, исполосованы ею вдоль и поперёк, так, что не осталось живого места. Николаша (хотя тогда он ещё и не был Николашей) влюбился в А. бесповоротно, а в сердце А. зажглась самая опасная любовь – безоглядная. Согласно теории, половинки нашли друг друга и слились воедино.

Им так понравилось это! Скрупулёзно, не пропуская ни одной мелочи, они познавали друг друга, иногда торжественно и молчаливо, иногда игриво и несерьёзно, но всегда отдаваясь чувству без остатка. Они были ослеплены любовью и ничего кроме своего союза не видели. Восторг и счастье! Перед ними открылся целый мир, о существовании которого они и не подозревали, – сплетённый из рук и ног, проникновенных взглядов и тёплых слов, мир незримых нитей и тесных объятий.

– А у меня имелись сомнения в существовании любви, – как-то сказал Коля.

– Ну а сейчас, дорогой? – спросила А.

– Ты полностью развеяла их.

– Не скрою, это очень приятно делать, милый.

Любовь, которую творили Николаша и А., была удивительно прекрасна и сногшибательно обычна. Как все, они несколько раз сбегали на край света, как все, нередко витали в облаках. В их диалогах стало проскакивать понятие «задержка» и зазвучало слово «деньги». Ничего страшного, это нормально. Сладкие ночи по-прежнему сменяли незабываемые дни, игривые вечера предвещали нежные рассветы. Любовь не затухала, наоборот, она становилась пронзительней и тоньше, словно первый голод с дороги был приглушен грубой пищей, а затем путники приступили к изысканным и сложным блюдам, где вкус задавали оттенки и нюансы, полутона и недомолвки. Как глаза постепенно начинают привыкать к темноте, так и ослепление влюблённостью проходит, и начинаешь вдруг замечать пористую кожу и обломанный ноготь, запах совсем не ландыша. Разумеется, через это проходит каждая пара, конечно, так и должно быть в период привыкания и, если хотите, смирения, но Николаше и А. было по девятнадцать лет, и они не собирались ни к чему привыкать.

«Неужели это всё, что у меня будет в жизни? Да, он прекрасный человек, и я его люблю. С ним, кажется, мне хорошо. Но как я могу сравнивать? Что я видела и испытала? Вдруг я заблуждаюсь и принимаю четверть за целое?»

«Да, А. прекрасна. Если быть честным, то надо признать: Господь Бог кроил А. именно для меня, Николаши. Все в ней Он сотворил мне по вкусу и росту. Он знал, что мне нужно и что мне по нраву, но, может, Он такое сотворил в нескольких бесподобных экземплярах? И мне стоит поискать и их?»

Короче, они расстались. Не с первой попытки, не в одночасье, но расстались. Так получилось... Жизнь для них не остановилась, она продолжалась, обещая новые увлечения и сюрпризы.

Через несколько лет, уже выполняя за границей задание Родины, Николаша, мучимый одиночеством, не сдержался и ушёл, что называется, в самоволку. Улетел, никого не поставив в известность, на несколько дней на встречу с А. Летом девяносто пятого они списались и встретились подалеже от посторонних глаз, на греческом острове Крит.

Древнегреческие боги Антей и Марсий, которые случайно оказались неподалёку, не дадут соврать: и Николаша, и А. признались, что не раз пожалели о разрыве. Они оба согласились с тем горьким выводом, что встретились тогда, в девятнадцать лет, слишком рано и по неопытности не поняли, какое обрушилось на них громадное и редкое счастье. Но Господь Бог дважды не предлагает...

Свидание продлилось пять дней, и они расстались, теперь уже навсегда. Слишком много успело налипнуть на их жизни такого, чего нельзя смахнуть, как средиземноморский песок...

Во второй раз Николаша влюбился в испанку. Разумеется, между А. и испанкой у него случались романы, но всё больше из категории «случайных связей». Некоторые из его знакомых женщин, надо признаться, были прехорошенькие, но испанка... Испанка затмила всех! Она любила Николашу, как разбойник свой нож, как Христофор Колумб Запад, а альбатрос встречный ветер. Звали её Долорес.

Из-под круто изогнутых бровей на Николашу взирали очи цвета золотых дукатов с потерпевших крушение в Карибском море трехмачтовых фрегатов. Улыбка её простиралась, как гряда скалистых гор, вершины которых покрыты не льдом, а белоснежным свекольным сахаром. Тело Долорес было наградой. Наградой за подвиг, который ещё только предстоит совершить. Щедрым подарком казалось это роскошное, обжигающее, сухое, смуглое тело. От Долорес всегда пахло как в последний день Помпеи, и ещё ярче... Приближением, обещанием. Но что сулил этот аромат? Непонятно... А как пахло в последний день Помпеи? Никто толком не знает. Наверное, жаром магмы.

Роман с Долорес походил скорее на вероломный штурм солнечного богатого Карфагена римскими свирепыми легионерами, чем на кратковременные межполовые отношения двух высокообразованных европейцев в начале двадцать первого века в уютном и несерьёзном городе Париже.

Роман вышел яркий, шумный и быстротечный, Николаша познал, что такое ревность, испытал чувство опасности и вкус скандала. Несколько раз ему доводилось вступать в единоборства с применением холодного оружия с предыдущими друзьями Долорес, и он их, её приятелей, прекрасно понимал. Лишиться такой женщины само по себе потеря, а лишиться без боя – поражение. Николаша Долорес любил. Других чувств она вызывать к себе не умела. История закончилась бы бракосочетанием в мэрии или венчанием в костёле, если бы Долорес не вынуждена была выехать на защиту своей докторской диссертации о поведении конкистадоров Кортеса на просторах Южной Америки в шестнадцатом веке. Она улетела в город Лиму, столицу Перу.

Должно быть, сила и влияние Долорес, действующие безотказно на территории Европы и ближайших окрестностей, не имели свойства пересекать нулевой меридиан. С её отъездом любовь стала угасать, причем не только у Николаши, но и у большинства прежних дружков, которые первое время бросали пронзительные гневные взгляды на удачливого соперника, а потом просто кивали при встрече. Роман иссяк. Долорес из Лимы не вернулась.

В последнее время Николаша от любви отдыхал. Назвать происходящее между ним и аспиранткой кафедры экономики Средних веков Моник Коти этим громким словом у Коли язык не поворачивался. «Происходящее» было удобно, необязательно и временно. То, что и нужно. С Моник приятно общаться: если Николаша при желании заставлял её дома, то проис-

ходило свидание. Если дверь ему не открывали, он не огорчился. Температуру их отношений следовало признать комнатной, благотворной и безопасной.

Совсем другое дело Лера Новикова. Её выгодно отличало от остальных то, что во время любви она говорила по-русски, чего Коля не мог себе позволить уже много лет. Не мог он этого сделать и прошлой ночью, хотя очень хотелось. У Коли перехватывало дыхание от всех этих «милый мой», «дорогой», «родненький», сказанных с мягким аканьем. Ему претило делать непонимающее лицо и переспрашивать «кес-ки-се?», «вот ду ю сей?» и тому подобное. Коле с Лерой было мягко и нежно, тепло и уютно, как на каникулах в деревне под Воронежем. Потрясающие, совсем забытые ощущения. Кто-то, вспоминал Коля, высказал дельную мысль, что любить нужно тех, кто говорит и думает на одном языке с тобой. Есть мнение, что разные наречия и диалекты даны Богом людям в наказание за их несговорчивость. Возможно, так дело и обстоит, но вдруг языки, наоборот, созданы для того, чтобы объединить своих и помочь им отыскать друг друга? Коля задумался: «Это что же получается, достаточно со мной – человеком, который хорошо владеет французским, неплохо испанским и сносно английским и итальянским, – заговорить на языке предков, и бери меня голыми руками. Так? Не может быть, что я настолько прост. Нет. В этой Лере, несомненно, есть нечто, притягивающее меня независимо от того, пользуется она английским „паст индефинит“ или родным винительным падежом и третьим склонением. Дело не в национальности, а в самой Лере.

Э, брат, – продолжал размышлять Коля, – кажется, тебя опять ведёт в этот невод с мелкими ячейками. Похоже, ты готов попасться на удочку. Ещё чуть-чуть, и начнёшь твердить в ушко Лере местный „жё тэм“, поблескивая масляными глазками. Куда же это годится? Ты же на службе. И тут, брат, нельзя проявлять беспечность! Что за люди эти влюбленные! Какие из них работники? Никудышные из них, надо признать, работники. Способные на очевидные глупости вроде особых примет в виде букета цветов в руках и алой помады на щеке. За такое в Центре никто по головке не погладит. Простительно, если погулял с человеком по набережным Сены, поужинал в „Хвосте петуха“, поцеловался даже пару раз, но зачем же сразу любовь?»

Коля повернулся на правый бок, обнял тихо уснувшую Леру Новикову, поцеловал её в уголок чуть приоткрытых губ и подумал: «С любовью придется повременить. Хотя бы пока. Ведь я даже толком не знаю, как тебя зовут».

Вдруг Колины размышления прервал звонок мобильного телефона. Николя ответил по-французски. Звонил Челюскин. Голос звучал радостно и вдохновенно, словно хотел сообщить хорошую, наполняющую жизнь смыслом новость.

– А знаешь, Колька, ведь за мной сегодня следили. И следили из-за твоей Назаровой. Чувствую, тебе говорить сейчас сложно. Перезвоню-ка я завтра.

Глава 10

Что за ним идут, Никитий заметил почти сразу.

«Человек никогда не бывает абсолютно одинок, тем более в гигантском городе на холмах», – размышлял он, делая пересадку на «Китай-городе». Пересаживаться на этой станции метро одно удовольствие, перешёл на другую сторону платформы – и уже поменял линию; едешь не на «Кузнецкий мост», место людное и торговое, а на элегантные, располагающие к уединению Чистые пруды.

Оставив машину на Садовом кольце, Никитий решил посетить магазин «Книжный мир», который теперь назывался «Библио-Глобус». Хотел посмотреть что-нибудь по монгольской культуре.

Путь его пролегал через «Китай-город». Николаша, как уже упоминалось, любил там назначать свидания девушкам в очках. А Никитий – проверять, нет ли за ним слежки. Как раз этим он сейчас и занимался. Занимался скорее машинально, по привычке, чтобы не растерять навыки. Без расчёта на то, что кто-то им интересуется. Но вдруг увидел: за ним идут... Никитий Никитович Челюскин удивился. По его разумению, несколько, не менее трёх, организаций могут проявить пристальное внимание к его персоне. Но только не в это время и не в таком месте. Первая из них уже всё проверила и вряд ли скоро напомним о себе. Другая пока не знает месторасположения Челюскина, оно будет ей известно лишь через полгода. Третья же не станет ходить вокруг да около – просто грохнет, перешагнёт и пойдёт дальше развалистой походкой. То есть вести Никития из старых знакомых сейчас некому. Получается, что завелись в его жизни какие-то новые любопытные, и кто они, ещё предстоит выяснить.

За Никитием тащились двое: толстый и тонкий. Строго говоря, были они одной комплекции, но как-то нужно их поименовать? Толстый имел рост выше ста восьмидесяти сантиметров, крепкое телосложение и необъятные щёки. Вообще, большие щёки характерная черта жителей нашей страны. Тонкий тоже был рослый крепыш, но щёки его казались не в пример жиже, чем у первого. За Никитием они шли, как торговки по базару. Шагали по-хозяйски, не стесняясь, не ставя Никития ни в грош. «Какието лопухи, – подумал он. – Вряд ли из серьёзной конторы. Отставные прапорщики, что ли? Или уголовники?» Уходить от них Челюскин не стал. Пусть ходят, узнают то, что он скрывать не намерен, попривыкнут. Сольют информацию о себе. Хотя у него почти не было сомнений, что парни представлены к нему после разговора с консьержкой Оксаной Тарасовой и причина кроется в его интересе к Нине Назаровой.

Толстый и Тонкий проводили Никития домой, покрутились у подъезда, пару раз позвонили по мобильному и отвалили с чувством исполненного долга и хорошим аппетитом.

Теперь для них и их хозяев Никитий Никитович – матрос рыболовецкого флота, приехавший меньше года назад из Мурманска, обменявший с доплатой хоромы за полярным кругом на эту однокомнатную квартиру. Подрабатывает сменным мастером в котельной соседнего шарикоподшипникового завода. Ничтожная личность, ездит на «Жигулях». Но то, что он никакой не председатель гаражного кооператива, как представлялся Оксане Тарасовне, кого-то наверняка заинтересует. Что ему только на руку.

Все происходящее начинало Никитию нравиться. Умершая и воскресшая в Париже красотка. Пара тупых топтунов, у которых наверняка есть неглупое начальство. Нефтяной холдинг с известным названием. Всё это указывало на то, что будет хотя бы интересно. Можно поддержать форму, а возможно, и денег срубить.

В Институт Склифосовского, где не откачали Нину, и, если потребуется, на её могилу Никитий поедет завтра. А сейчас, введя в курс дел Николая, он поработает над монгольскими нравами и менталитетом.

Свет он погасит глубокой ночью, в третьем часу.

Глава 11

Родина не спала. Малая стрелка давно перевалила за полночь, а Родина не спала. Не шёл к ней сон. Заботы и тревожения не давали сомкнуть глаз. Действительно, как тут погрузиться в покой? Масса больших проблем и первоочередных задач, срочных дел и невыполнимых, но обязательных условий сплелись в плотный клубок, который как ядро перекатывался в голове.

Даже ночью не покидала Родину забота. Враги обступали со всех сторон. Только справишься с одним, так тут другой поднимает голову. Внутренний отступит, его место тут же займёт внешний. Жестокого, но прямолинейного сменяет тихий и коварный. Оголтелый фанатик уступает место расчётливому хитрецу. Изворотливый, лукавый и тонкий соседствует с грубым, тупым и упрямым, и непонятно, кто из них страшнее. Все они опасны, за каждым надо уследить, всегда быть начеку. Уметь дать им отпор и нанести упреждающий сокрушительный удар. А что может Родина? По силам ли ей это, ведь она всего лишь женщина...

Да, Марина Николаевна Родина была женщиной. Конечно же не обыкновенной, а чертовски умной, сообразительной, работоспособной, дальновидной. Иначе как ей работать в Службе внешней разведки Российской Федерации в должности куратора резидентур нескольких центрально-европейских стран? На эту должность по знакомству не назначают, по блату не берут. Тут самому нужно выдвинуться. Заслужить, доказать, что достоин, а самое главное – что справишься. В талантах Марины Николаевны ни кто не сомневался. Но один недостаток у неё всё-таки имелся. Родина была женщиной настроения. Могла и пожурить, наказать не совсем заслуженно, реабилитировать потом, это – да, несомненно, но вначале наказать. Могла Родина и одарить, приблизить, обласкать...

Любила Родина мужчин простых, открытых, статных, таких, которые за неё и в огонь и в воду. Таких, чтоб без страха и упрёка. Сразу и навек... Таких, что их только позови, а они уже здесь. Женщин Родина тоже любила. Любила, чтобы они рожали мужчин, пели им колыбельные и ставили их на ноги. Чтобы убирали хлеб и ремонтировали железнодорожные пути в оранжевых жилетах. Любила, когда женщины в строю и на них можно положиться.

Но кое-что Родиной очень не нравилось. Почему-то не любила она, когда мужчины и женщины живут в достатке. Почему-то не любила, когда в их домах ничего не происходит. Она не хотела им спокойной размеренной жизни. И поэтому всё время их теребила, прихватывала, не давала покоя и придумывала новые и новые неприятности. Но это, разумеется, пустяки, ведь самое главное в ней было то, что она боролась с врагами мужчин и женщин и всегда знала их в лицо.

Сейчас прямым и непосредственным начальством ей поставлена задача нейтрализовать конкретного врага. Звали его Гийом де Марш.

Гийом де Марш, в просторечье Ги де Марш, работал аналитиком в африканском отделе в штаб-квартире НАТО в Брюсселе. Он представлял в этой организации Францию. Его основной задачей, за которую платили неплохие деньги, было строить козни противнику. Чем больше козней, тем лучше для Ги. Почёт ему за это и глубокое уважение, всевозможные привилегии и достаток.

Давно известно, что цель любой системы, в том числе и из живых организмов, – это экспансия. Все хотят навязать свою волю и правила игры остальным, не забывая о собственной выгоде. Эй, вы там, на Востоке, живите так, как мы скажем, и всё будет у нас хорошо. Вам понятно? То-то. Как жить? Читайте правила: вы у нас покупаете, а мы у вас забираем. Устраивает? ОК! А если нет, то, значит, режим у вас неправильный, и мы его поменяем. Ги де Марш и занимался такой экспансией. Экспансией правил и понятий. Он был далеко не дурачок, и козни у него получались что надо. Качественные выходили у него козни. Он придумал, например, что в одного и того же Бога некоторым никому не нужным народам следует верить по-разному.

Достаточно убедить некоторые из них, что остальные верят плохо и их надо срочно переучить, и смута, деградация и опустошение в этой местности обеспечены. Другим он внушил, что они обижены и им необходимо восстановить справедливость с купленным в правильном месте оружием в руках. Короче говоря, для каждого народа Ги де Марш искал свою, как было в случае с американскими индейцами, «огненную воду». Такое средство или идею, которая помогала его системе, его хозяевам если не победить, то сильно ослабить противника. Хорошим Ги де Марш был аналитиком. Идеи у него рождались сильные и продуктивные. Родина следила за ним и даже иногда любовалась и восхищалась его планами. Ги де Марш, можно сказать, ей нравился. И нравился бы и дальше, если бы оставался в своём аналитическом центре специалистом по Африке. Но недавно стало известно, что его повышают и переводят начальником отдела козней против Российской Федерации. И Родиной теперь не спалось.

«Что с ним, с этим Ги де Маршем, делать? – думала Родина, ворочаясь в постели. – Как поступить? Отправить на тот свет? Грубо. Мы убьём, в ответ уложат кого-нибудь из наших. Завербовать? А что мы сможем ему предложить? Заразить болезнью? Но как это повлияет на его умственные способности? Вдруг на больничном он ещё быстрее соображать начнёт. Эх, лучше всего, чтобы его не назначали. Сидишь в своем африканском отделе, ну и сиди там. Строй козни против негров и не высывайся. Да, лучше всего его скомпрометировать в глазах руководства. Дескать, рано тебе, Ги де Марш, на повышение, не дорос ты ещё до руководящей работы, до такого ответственного поста, как начальник русского отдела. Резолюция – отложить. А на это место мы, Родина и коллеги, своего человечка проведём-поставим, тем более что есть подходящий на примете. Английская резидентура доложила, есть один ретивый, так и рвётся наверх. Ретивый-то ретивый, но управляемый. Все подходы к нему расчищены. Ему всё надо: и денег, и удовольствий, и азарту. Прелесть, а не агент получится. Дадим ему под присмотром пару операций на нашей территории провести. Взорвать что-нибудь ненужное, наскандалить... Пусть выдвинется, станет заметным, альтернативным де Маршу кандидатом, а там мы за него всерьёз и возьмёмся. А де Марша в этот момент скомпрометируем. Вот так и поступим. Что у нас на де Марша есть? А ничего у нас на него нет... Впрочем, – Родина задумалась, – он же в Сорбонне на политолога учился с одним моим подопечным, Колькой Перегудовым. Как же я про него чуть не забыла? Застоялся небось. Ага, ну что ж, пора его расконсервировать, пусть к делам приобщается. Хватит ему портки по учебным скамьям протирать да харчи казённые проедать. Одних суточных вон сколько ему положили...» Справедливости ради надо отметить, что Родина была скуповата. «Да, решено, – наконец засыпая, подумала Родина, – завтра с утра Кольке и позвоню. Пусть порадует, что Родине пригодился».

На том Родина и заснула.

Глава 12

Понедельник, как ему и положено, выдался тяжёлым.

«Известно, что наиболее высокого мнения о своих умственных способностях придерживаются дураки, недалёкие, косные люди с мизерным жизненным опытом и отсутствием практики пользования собственным мозгом. Таково уж стечение обстоятельств, что потребности и возможности развивать серое вещество им не представилось, и оно ссохлось за ненадобностью. Вот человек и остался дураком. Впрочем, это не беда. Дурак, как и все остальные люди, может быть счастлив, богат, здоров и красив, да так, что иному и позавидуешь. В целом получается, нет ничего страшного в том, что человек вырос дураком. Но почему у него непременно высокое самомнение, вот вопрос».

Такие мысли занимали Никития Челюскина, когда он делал пересадку с Замоскворецкой линии на Краснопресненскую Московского орденоносного метрополитена.

«Очевидно, людей, которые не в состоянии понять, переварить и оценить чужую мысль, любая собственная, даже самая примитивная и мелкая, приводит в восторг и ликование, поднимая планку самооценки на головокружительную высоту. Дурак свои редкие мысли любит и знает их наперечёт».

Размышления не мешали Никитию проверяться, и он давно заметил слежку. Вчерашняя парочка опять шагала за ним. Сегодня щёки Толстого ещё сильнее напоздали ему на глаза, видно, провёл он бурную ночь. С Тонким же никаких перемен не произошло.

«Советы дурака искренни и безобидны. Советы умного человека следует рассматривать с двух сторон: пользы для слушающего и выгоды для говорящего. С умным нужно держать ухо востро и представлять себе ход его мыслей. Дескать, а зачем ему, умному, мне такое предлагать? Дурак же даёт совет бескорыстно и безоглядно. Помогает от всей души и сердца, радуясь своим умственным способностям и возможности их проявить. Но советы дурака – это разговор особый».

В этот момент Никитий опять посмотрел на Толстого и Тонкого. Те не отставали, почти дыша ему в затылок и наступая на пятки. Не хотелось Челюскину отвлекаться от размышлений о дураках, а пришлось. Пора уже было избавляться от слежки.

Он поднялся наверх, на улицу, купил ненужные ему сигареты и пошёл по Пятницкой улице. Толстый и Тонкий шагали следом, рассекая всё на своём пути, как новый острый плуг за молодым, злым до работы конём.

Да кто же они такие? Что им нужно? Почему беспокойство за Нину Назарову выгнало их на улицу, пробудив интерес к Никитию? А у Никития, в свою очередь, к ним. Скоро придётся знакомиться. Парни или те, кто стоят за ними, явно жаждут поближе узнать Никития. И сам он не против встречи, хотя рассказывать им ничего не собирается. Во всяком случае, первым.

Пятницкая улица упирается в Серпуховскую площадь, чуть не доходя до неё, на правой стороне есть ремонт часов. Туда Челюскин и заглянул. Снял часы с руки и сказал, что они спешат. Старый мастер, натянув на левый глаз лупу, отвинтил заднюю крышку. Толстый и Тонкий закурили на улице перед витриной. Никитий отошёл в глубину помещения и набрал номер приятеля из Конторы, собираясь спросить про родню Нины Назаровой.

С родителями всё ясно, для того чтобы поговорить с ними, нужно поднять специальные научные инстанции. С этим повременим. А что же муж?

Бывший муж Михаил Генкин – это уже интересней. В последнее время часто приезжает с исторической родины на настоящую. И сейчас, по обмену опытом, работает в Склифе. Где?! В Институте скорой помощи имени Склифосовского, в восьмом отделении. Что за отделение такое? Отравления. Действительно интересно.

Набирая номер Николаши, Никитий видел, как Толстый прикуривает вторую сигарету. Трубку, как говорили раньше, подняли быстро.

– Аллю.

– Коля, повторяю, за мной ходят. Второй день.

Коля ответил на французском языке. – Это очень интересно... А кто?

– Сегодня многих разбирало любопытство, в том числе и Колю.

– Два каких-то малых из нижних чинов. Хочешь, чтобы я у них спросил? – Никитий тоже перешёл на французский, но говорил вполголоса.

– Погоди. Пускай походят, присмотришь к ним, собери информацию. Будет видно, что хотят. Может, это к моему делу и не имеет отношения. Ты был по адресу?

– Да. Говорил с консьержкой. Нина твоя отравилась, её увезла «скорая помощь». Хорошили из морга. В квартиру я пока не попал. Девушка была денежная, заметная. Как только я оттуда ушёл, так за мной и пристроились. Так что это по твоему дельцу. Больше некому. Я в простое, вокруг меня чисто. – Никитий видел, как Толстый чуть не прилип к витрине ремонта часов, желая разглядеть, что там делает поднадзорный. – И ещё – какие-то они кустари. Таких только спроси, сразу расколются.

– Рано пока. Им, может, ничего и не известно. Вдруг они только на подхвате? Адрес, к примеру, поручено узнать, а ты их прижмёшь, себя обнаружишь. – Коля помолчал. – Придёт время, всё узнаем. Приготовь-ка альтернативный канал связи, а то всякое может начаться.

– Почтовые голуби подойдут? – Никитий посмотрел на мутное московское небо.

– Очень умно. – Голос Николаши стал строг. – Чип телефонный приобрети и номер мне сообщи, мало ли что... Вдруг у тебя этот телефон, с которого ты, Никитий, сейчас звонишь, отберут. Ну и имена ты себе подбираешь, каменный век какой-то.

– беру что дают. И не капризничаю, Николая.

– Вернёмся к делу, – продолжил Перегудов. – В Склиф съезди без них. Узнай что и как, а потом уж от них не уходи, пусть тебя пасут. Дай понять, что ты простой, незатейливый мужик, весь на виду. Захотят тебя расспросить, колись сразу. Дескать, сосед по гаражу попросил разузнать про эту Нинку. Что за сосед? Да Колька из семнадцатого номера. А где он сам? Да в командировке. Место? Откуда мне знать, он сам звонит. И вообще, твоё дело сторона, тебе чужие проблемы не нужны. Деньги будут давать – возьми. Подзатыльник отвесят – сдрейфь. Рукам воли, я прошу, до прояснения обстановки не давай. Если ты не один и не можешь говорить открыто, то называешь меня Коля, если говоришь свободно, то Николай. Идёт?

– Хорошо.

– Что ещё хотел сказать, Никитич?

– Муж её бывший в Москве сейчас, оказывается. Представляешь, в Склифе врачом работает. Скорую помощь при отравлениях оказывает.

– С каждым днём всё занятней. Ты бы на него взглянул, Никитий. Может, он что скажет?

– Взгляну, только от молодцов этих отделаюсь – и сразу в Склиф.

– А мать-отец её где?

– На зимовке, в Антарктиде.

– Живут же люди! Всё?

– Да. – Будь здоров. Звони.

– Будь... – ответил Никитий и отключился.

Мастер за ремонт годных часов запросил тысячу. Никитий поблагодарил и вышел на улицу. Толстый и Тонкий побросали окурки и выжидательно уставились на Никития.

«Тьфу», – подумал он и отправился к метро, опять предаваясь размышлениям о дураках.

«Дурак, он человек безвредный, все несчастья от умников, двигателей прогресса, от творцов. Фразочку о двух фирменных российских бедах: дураках и дорогах – придумали, разумеется, умники. Это им обязательно нужно куда-то нестись сломя голову и желательно по хоро-

шей дороге. Разве дурак, глядя на орлов, летящих на запад, догадался бы, что за Атлантическим океаном есть земля? Целый новый континент – Америка? Да ни в жисть... Постоял бы, посмотрел бы дурак вслед гордым птицам и сказал: „Куда летят? Зачем летят? Эх, дураки!“ И пошёл бы домой пиво пить. И остались бы в целости и сохранности самобытные инки, гордые ацтеки, ветреные команчи и даже косматые бизоны. Негров из Ганы никто бы не потащил в рабство. Подумаешь, не было бы у человечества джаза, дамского романа „Хижина дяди Тома“ и потёртых джинсов, всего и делов-то. Зато не увлеклись бы в Европе табакокурением, не маялся бы народ сифилисом, не тратил время на просмотр вестернов. Эх, не помешало бы человечеству иногда быть поглупее. Здоровей бы была цивилизация».

Институт Склифосовского хоть и расположен на пересечении шумного Садового кольца и помпезного проспекта Мира, но главный вход имеет с переулка канувшего в историю Грохольского. Институт представляет собой больничный, на полтора десятка зданий, городок с девятиэтажным корпусом во главе.

Своих следопытов, Толстого и Тонкого, чтобы не мешали и не прознали лишнего, Никитий решил оставить в гардеробе. Он сдал куртку и последним нырнул в закрывавшиеся двери лифта. Толстый рванул пешком по лестнице и, разумеется, потерял его. Теперь верзилам не оставалось ничего, кроме как сидеть возле гардероба и ждать, как путеводную звезду, возвращения объекта.

Строго говоря, Никитий мог бы и не раздеваться, там, куда он направлялся, не требовали, но ему надо было оторваться от топтунов. Иначе они принялись бы шататься по территории, высматривать, а это лишнее.

Через заднюю дверь приёмного покоя Челюскин вышел в больничный двор. Стояла ранняя, самая трепетная осень. Деревья окрашиваются в яркие цвета, слякоть ещё впереди. Время очарования. В такие дни мечтаешь о полнокровной и мощной жизни. А Никитий направлялся в морг.

Жизнь, само собой, не заканчивается остановкой сердца, последним вздохом, физическим распадом человека. Дух и душа не исчезают бесследно, это очевидно, как очевидно и то, что в каждом из нас есть искра Божья. Но почему тогда смерть – безутешное горе и величайшая трагедия? Зачем стенания и слёзы, салюты и отпевания? Видно, нравится душе наш мир, видно, нужна ей зачем-то вся эта суeta под названием «земная жизнь». Что составляет человеческую жизнь? Разный вздор: пища, секс, отдых, внешность, деньги. Паратройка инстинктов, и больше ничего. Но как не хочется с этим расставаться!

Возле входа в патологоанатомическое отделение крепкий санитар в ватнике поверх серого халата, подперев стену, курил сигарету без фильтра. Лицо выдавало в нём человека тяжело пьющего и во хмелю опасного. Для такого не существует запретов и преград. Ясно, что смерть для него не является ни загадкой, ни таинством. А что касается жизни, то он давно прошёл огонь, воду и всё остальное и притворил за собой калитку. Казалось, что хоть и бьётся в нём сердце, но кровь уже остыла. Прохладная у него кровь.

С таким договориться можно, подумал Никитий и сказал:

– Уважаемый, это ты на тот свет провожаешь?

– Только до полдороги, – пробурчал, не оборачиваясь, санитар.

– Значит, где проход, знаешь? – Никитий придвинулся поближе.

– А что? Кого туда отправить нужно? – по-прежнему не глядя на собеседника, пробурчал санитар.

– Скорее встретить. – Челюскин помолчал и добавил: – Доводилось?

– Всяко бывало... – Крепыш в ватнике оживился и повернул наконец голову в сторону Никития. – Но не часто, навыка нету.

– А ты попробуй, может, и получится.

– Ладно. – Теперь на Никития смотрел другой человек, человек, в котором проснулись желания. – Говори, что надо?

– Тут четыре дня назад одну женщину в долгий путь проводили, так вот вернуть её надо.

– Кто такая?

– Назарова Нина Константиновна, самоубийство, отравление. – Никитий затолкал в руку санитару две пятисотки.

– Ах, эту... – Тот вздохнул и погрузился в молчание.

Молчание его оказалось настолько глубоким, что не прервалось даже после того, как Никитий прибавил к предыдущим ещё две лиловые бумажки с изображением города Архангельска. Тут пришла пора вздохнуть Никитию, потому что ещё одна купюра, на сей раз тысячного достоинства, перекочевала в холодный, как могила, кулак санитары.

– Жива твоя Нинка, принимай. Из желудочного отделения я её лично сюда на каталке вперёд ногами привёз, а уж дальше сама пошла.

– На тот свет?

– Не знаю, не проследил.

– А по бумагам как? – Никитий закурил и протянул пачку санитару, но тот не взял.

– По бумагам паралич дыхательных путей, интоксикация, растворение печени, летальный исход. Труп выдан в гробу. Кремирован на следующий день.

– Кого ты туда положил?

– А тебе какое дело? Сам, что ли, хотел проскочить? Просись, я устрою.

– Ладно, ладно, не кипятись. – Никитий примирительно развёл руками. – Вижу, что глупость сморозил. А кто её получал, по каким документам?

– Известно кто... Родня.

– Какая родня? Кто? – твёрдо спросил Челюскин.

– Вдовец, по свидетельству о браке. Всё, кончай разговор, хватит. – Санитар начал обращаться, собираясь зайти внутрь морга.

– Последний вопрос. Вдовец местный?

– Никитий потянул за рукав ватника. – Нет, не местный. Тутешние больше не женятся. Он из персонала восьмого корпуса, желудочного как раз. – Санитар уже поставил ногу на порог.

– Слушай, – Никитий не отпускал рукав, – а на сколько дней, уважаемый, ты можешь впасть в радость запоя?

Санитар остановился.

– Да когда как... То на три, то на четыре дня. На сколько ресурса хватит. А что?

– А на недельку-полторы можешь?

– Зачем?

– А чтобы здесь не отсвечивать, пока я с делами кое-какими управлюсь.

– Ну, если старания удвоить...

– Ты уж поднапрягись, уважаемый. Прояви себя, очень прошу. Клиенты твои, ничего, подождут, – сказал Никитий и увеличил гонорар.

На том и расстались.

Итак, вопрос жизни и смерти решился в пользу жизни. Никитий повеселел. Всегда приятно узнать, что молодая красивая женщина жива и с нею, быть может, ещё придётся увидеться.

Никитий позвонил Николаше и доложил обстановку, чопорно называя того исключительно Николаем. Разговор получился коротким.

– Чего-то подобного я и ожидал. Теперь осталось выяснить, зачем ей это понадобилось.

– А муженек её не знает?

– Возможно. – Коля задумался. – Только опасно к нему с такими вопросами приставать. Можно Леру вспугнуть.

– Тогда я только взгляну на него издалека, мало ли где придётся столкнуться. Не возражаете, Николай?

– Нисколько. Взгляни, дорогой, – сказал Николай и отключился.

– Михаил Ефимович в отпуске со вчерашнего дня. Уехал за рубеж, – пропела колоратурным сопрано толстушка из приёмного покоя отделения, где работал Генкин. – Будет через месяц. Он у нас человек вольный. А вам он зачем?

– Залечил он меня, – тоном, исключающим дальнейшие вопросы, ответил Никитий и отвернулся.

Следопытов у гардероба он не увидел. Никитий, удивлённо озираясь, надел куртку, покачал головой и вышел из здания.

«Погода портится, пора домой», – подумал он и собрался было опять предаться размышлениям о дураках, как вдруг почувствовал сильный тычок под ребра.

– Эй, мужик, ты чё, дурак?

Перед Никитием, с развалившимися во всю ширь необъятными щеками, стоял Толстый, а сзади Тонкий, схватив за локоть правой руки, шипел в ухо:

– Пошли, мужик, не трухай.

Глава 13

Коля сидел в просторном кресле холла отеля «Ритц» и скользил взглядом по спортивной странице свежего номера газеты «Фигаро». Вообще-то постояльцам этого отеля больше подходит держать в руках «Пари матч». Вся Франция делится на две категории: читателей «Фигаро», бедных, но гордых, и поклонников «Пари матч», богатых и беспринципных. Но Колю сейчас не заботило, что о нём подумают посторонние люди. Коля размышлял о сегодняшних новостях. И думал он не о Никитии и его московских похождениях, а о телефонном сообщении, разбудившем его утром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.